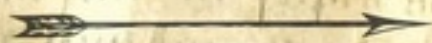

**ЗАВОРАЖИВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ
О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ И МАГИИ!**

*Пола Брекстон возвращается
с новой книгой и новыми героями*

ПОЛА БРЕКСТОН

Зимняя ведьма

like
book

Annotation

В маленьком уэльском городке девятнадцатого века нет никого, кто был бы похож на своенравную Моргану. Девушка нема, и ее молчание — это тайна, как и ее волшебные способности. Но еще она юна и неопытна, а потому может раскрыть себя, подвергнуть опасности. Мысли о магии надо забыть, но как это сделать?

Мать решает выдать девушку замуж. Кай, молодой вдовец и хозяин поместья Финнок-Лас, внушает Моргане страх. Она не в силах представить, как будет жить с этим холодным и грубым мужчиной. Он же совсем ее не поймет!

Но постепенно лед между ними тает, и зарождается любовь. Вот только счастье длится недолго. Страшная эпидемия обрушивается на деревню: гибнет скот, люди болеют. Кто виноват в этом? Моргана понимает, что за чудовищными бедами стоит другая ведьма и победить ее можно лишь одним способом — перестав скрывать свои магические силы.

Пола Брекстон

Зимняя ведьма

Посвящается Джени — за необычность

Paula Brackston

THE WINTER WITCH

Copyright © 2013 by Paula Brackston.

Published by arrangement with St. Martin's Press, LLC. All rights reserved.

© И. Рапопорт, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Автор выражает благодарность...

Работать над романом «Зимняя ведьма» было огромным удовольствием, в немалой степени благодаря поддержке и помощи Питера Уолвертона и Энн Бенссон из Thomas Dunne Books, поэтому хочу сказать им обоим огромное спасибо. Также хотелось бы выразить свою благодарность команде дизайнеров — за столь чудесную обложку — и всему персоналу St. Martin's Press за их энтузиазм и внимание к деталям.

Мне хотелось бы поблагодарить Worshipful Company of Farriers и Музей Брэкона, которые оказали посильную помощь в поиске информации для романа. Также хочу выразить искреннюю благодарность моей замечательной подруге Мелани Уильямс за то, что разобралась с моими весьма скудными знаниями валлийского и вложила в это дело душу.

Как и всегда, благодарю членов своей семьи за их неизменную поддержку и понимание. И за то, что еще не сошли с ума от моего болезненного увлечения писательской деятельностью и всем, связанным с ведьмами.

Интересно, считает ли себя красивой паучиха? Глядя на свое отражение в капельке росы, довольна ли она тем, как выглядит? Сплетенная ею паутина тоньше самого тонкого на свете шелка. Но люди восхищаются не паучихой, а лишь ее паутиной. Ее изяществом, ее хрупкой силой. А о бедной паучихе все думают — какая гадость! Кого-то она раздражает. Другие падают в обморок от одного вида этого создания. Но ведь она прекрасна, или, во всяком случае, мне она кажется таковой. Такая ловкая. Такая искусная. Идеально подходящая для судьбы, которую избрало ей мироздание. И сейчас такая паучиха сидит на моей ладони. Взгляните только, как она продумывает следующий шаг, выверяет пространство, и волоски на ее крохотных лапках приятно щекочут мне кожу, когда она двигается. И разве существо, настолько идеально подобранное под свою среду обитания, не заслуживает того, чтобы им восхищались люди? Как может считаться некрасивым насекомое с силуэтом настолько элегантным, точеным, изящным? Разве для того, чтобы тебя обожали, нужно обязательно быть сказочно прекрасным? Взять, к примеру, божью коровку... У нее ведь туловище жука и тонкие черные лапки, а меж тем девушки восхищаются красотой ее крылышек и веселыми белыми крапинками на них. Неужели мы всегда будем прятаться за внешней красотой, чтобы нравиться окружающим? Выходит, что так. Чтобы заслужить внимание мужчины, женщине полагается выглядеть надлежащим образом. Так уж заведено. И вот я перед вами, в белом платье, взятом напрокат, с цветами в волосах и на браслете, расфуфыренная, как попугай, такая, какой я на самом деле не являюсь, привлекаю внимание к тем сторонам своей личности, которых вовсе не существует. Я лгунья. Насколько я была бы счастлива сейчас, если бы вместо всего этого надела тонкую вуаль, свитую из паучьей паутины, в своих привычных темных одеждах, что делают меня частью мира теней и позволяют наблюдать со стороны за окружающими.

— Моргана! Моргана!

Мама в нетерпении. Нет, не то чтобы в нетерпении, просто слегка испугана. Думает, как бы я не сбежала, не скрылась в одном из своих потайных уголков, не исчезла, выждав, пока этот момент не кончится. Этот момент, о котором я не просила. И который сейчас наступил отнюдь не по моей воле.

— Моргана?

Неужели она правда хочет, чтобы я ушла? И оставила дом? Оставила ее? Ведь место дочери — подле матери. Почему должно быть иначе? Почему же она не дает мне сделать свой собственный выбор?

— Моргана, что ты делаешь?

Она нашла меня. Мама заглядывает внутрь, спустившись в узкий лаз, ведущий в нору под корнями дуба. Наклоняет голову, и кровь приливает к ее лицу, отчего ее щеки розовеют. Даже в том скудном свете, который попадает сюда, я вижу — мать очень взволнована. На фоне бледности ее кожи пылающие щеки резко бросаются в глаза.

— Моргана, твое платье... Ты его запачкаешь. А ну-ка, выходи, ребенок, — произносит она. И я больше не могу оттягивать момент. Я по-прежнему держу в руке паучиху. Я могу взять ее с собой, сунув в карман нижней юбки. По крайней мере, тогда у меня будет подруга, с которой я могла бы разделить все тяготы сегодняшнего дня. Но нет, это существо должно остаться здесь. Так зачем же насильно тащить наверх нас обеих?

Ну же, маленький паучок, беги обратно в свою паутинку.

Я возвращаю паучиху туда, где ее место. Жаль, что я не могу остаться в этом темном, тесном убежище, в этом чреве земном вместе с ней. Но мои желания не в счет. Моя судьба решена. И я выбираюсь из норы.

Солнечный свет слепит меня. Яркие лучи сияют на дурацком платье и чересчур пышных цветах в волосах. Сейчас я отвратительно светла. Боже, в какую чушь я ввязалась!

— Уф, детка, да на тебе столько земли, что можно устроить грядки. И о чем ты только думала, когда полезла туда в подвенечном платье? — причитает мама.

Она нарочито хмурит брови, но актриса из нее никудышная. В ее глазах я читаю испуг. От меня скрыть этот страх не выходит. Наконец, мать перестает пытаться стряхнуть с подола платья всю грязь и кладет руки мне на плечи, крепко обняв меня и завладев моим взглядом.

— Ты уже не маленькая девочка, — говорит она, та, кто буквально секунду назад называл меня *ребенком*. — Вот и не помешало бы тебе вести себя, как женщине. Твой муж имеет право рассчитывать, что у тебя есть... хоть какие-то манеры.

Теперь мой черед хмуриться. Муж! Могла бы с таким же успехом сказать Хозяин! Мастер! Господь! Я отворачиваюсь. Я не хочу на нее смотреть, ибо сердце мое полно гнева. Я чувствую, как он кипит внутри меня, и что-то во мне как будто шелкает, меняется. Звуки приглушаются. Голоса превращаются в бессмысленную болтовню. Мой мозг давит на череп с огромной силой — что-то очень мощное жаждет выбраться наружу. Веки наливаются свинцом. Движения становятся все более медленными и тяжелыми. Меня сильнее тянет к земле.

— Моргана! — В голосе мамы я слышу нетерпение. Оно эхом отдается во мне. — *Не делай так*, Моргана! Только не сейчас.

Я открываю глаза и чувствую ее решимость. В конце концов, все мы, люди, в этом отношении похожи.

Мама разворачивает меня к себе, а затем выводит из сада к часовне. С каждым торопливым шагом каменное здание становится ближе. Я войду сюда свободной, а выйду уже подневольной. Как же так?

— Стой, — мама останавливается у ворот на кладбище и начинает возиться с моими волосами. — Дай на тебя посмотреть.

Мама смотрит мне в глаза, и я понимаю, что она видит меня насквозь. И я знаю, что, кроме нее, у меня нет никого, кто бы смотрел на меня так, как смотрит она. И мысль эта приносит с собой такую тяжесть одиночества, что, чтобы не разрыдаться, мне приходится призвать на помощь все свое самообладание. Мама касается моей щеки.

— Все будет хорошо, *милая*, — говорит она.

Я качаю головой.

— Я желаю тебе лишь добра, — повторяет мама. — И ничего больше.

Я чувствую ее смущение. Мимо, покачиваясь, пролетает сойка — она словно смеется над нашей болью.

— Он хороший человек, Моргана. Он даст тебе дом, жизнь. Будущее.

Мама понимает — мне безразлично, что он даст мне; всем этим вещам я бы предпочла жизнь с ней. Но ответить на это она не может.

Я слышу стук копыт приближающегося коня — мой жених скоро будет здесь. Мы с мамой оборачиваемся и видим выкатывающуюся на холм упряжку. В нее запряжен белый жеребец. Он вышагивает бодро, приближая тот жуткий момент, которого я боялась все

последние несколько месяцев. На улице тепло, и жеребец весь в мыле. Впрочем, лошадка, по крайней мере, рада покрасоваться в своей восхитительной упряжи. В повозке, хвала Всевышнему, не украшенной дурацкими лентами или цветами, я вижу Кая Дженкинса. Он сжимает поводья, останавливая жеребца. Кай высок ростом и очень силен, хотя и изможден. У него угловатые, почти суровые черты лица, но при этом полные губы и прекрасные светло-голубые глаза — удивительные, цвета незабудок на солнце. Кай связывает вожжи и встает с узкого деревянного сиденья. Шерстяной костюм болтается на его костлявом теле. Мама не стала врать ему, что я умею готовить. Интересно, не забудет ли он об этом? Я тут же убеждаюсь, как глупо пытаться предположить что-либо о человеке только на основании его внешности. Слезая с повозки, Кай двигается быстро и ловко, как тот, для кого жить своим трудом — нормальное состояние. Однако, заметив его костлявые лопатки, я понимаю, что не все в его жизни гладко. Наверное, с тех пор как умерла его жена, Кай вряд ли хоть раз нормально ел. Ее не стало три года назад. Кай очень любил ее, он так сам об этом и сказал. Собственно, это было первое, что он вообще сказал нам.

— Понимаете... Она была для меня всем. Ни к чему притворяться, что это не так, — сказал он. Мы сидели в гостиной. Кай мелкими глотками пил чай из лучшей маминой чашки, и тот медленно остывал, пока комната наполнялась ненужными словами, вылетающими из уст моего жениха. Тогда он смотрел на меня, словно на жеребенка, которого нужно выдрессировать, как будто поскорее хотел найти способ меня приручить.

— Я хочу быть честным с вами обеими, — сказал он. — Чтобы получить лицензию, погонщик должен быть женат. А там, где я живу, нет никого... Подходящего.

«Почему это?» — подумала я тогда. И думаю сейчас. Почему Кай не выбрал кого-то, кто жил бы ближе к его дому? Почему поехал так далеко, чтобы найти кого-то *подходящего*? И как именно я ему *подхожу*?

— Ну, — сказала мама, и чашка в ее руке дрогнула, — так много сказано о любви, и так мало люди в ней понимают, мистер Дженкинс. Но даже простое уважение и доброта многого стоят.

Кай кивнул и улыбнулся, радуясь: договоренность достигнута. Так что наш брак оказался браком по расчету.

Будущий муж снимает шляпу и слишком сильно сжимает ее в своих длинных пальцах, беспокойно крутя в разные стороны. Его рассыпанные в беспорядке волосы песочного цвета кудрями опадают на воротник — ему бы подстричься. А взгляд мечется с одной из женщин на другую.

— Прекрасное утро, миссис Причард, — говорит Кай. Мама соглашается.

Он переводит глаза на меня:

— Вы... Очень хорошо выглядите, Моргана.

«Ничего лучше не мог придумать?»

— Нам, наверное, уже пора? — мама старается поскорее со всем этим покончить, прежде чем я успеваю как следует задуматься. Она до сих пор крепко сжимает мою руку.

Внутри часовни, у скромных букетов цветов стоит пожилая миссис Робертс. Увидев ее, мама начинает охать и ахать, рассыпаясь в благодарностях. Преподобный Томас приветствует нас и озаряет ослепительной улыбкой. Мама отводит меня на место, где мне положено стоять, а Кай Дженкинс встает рядом. Я не буду смотреть на него. Мне нечего ему сказать.

Преподобный начинает, а я мысленно переносусь куда-то совсем далеко. В дикое место, находящееся где-то за облаками, место свободное, свободное от глупости мужчин и их

планов. В долине над Кундю есть настолько крутой холм, что даже овцы там не пасутся. Поверхность его покрыта не зеленой травой, а скользкими сланцами, на которых едва можно удержаться. Для того чтобы подняться на вершину этого холма, нужно идти, согнувшись, и позволить своим ногам с каждым шагом соскальзывать немного назад. Пытаться бороться с этой вершиной нет смысла, она все равно победит. Нет, нужно просто быть с ней в гармонии. Если набраться терпения и не обижаться на ее злые шутки, гора сама донесет тебя на вершину. А на вершине ты обретишь второе дыхание. Какой вид! Какие расстояния! Какой воздух, которым еще не дышал никто, не тронутый печной золой и дымом вчерашнего костра... Воздух, который наполняет и душу, и тело.

— Берете ли вы, Моргана Рианнон Притчард, в свои мужья этого человека?

При звуке своего имени я с головокружительной скоростью возвращаюсь в реальность.

— Моргана? — мама накрывает мою руку своей. От меня опять чего-то ждут. Мать поворачивается к преподобному Томасу, окинув его умоляющим взглядом.

Тот смотрит на меня с такой неуместной в данной ситуации улыбкой, что, кажется, она вот-вот отвалится с его лица и разобьется вдребезги о каменный пол.

— Я знаю, вы не можете говорить, дитя мое, — произносит он.

— Может, но не говорит святой отец, — поправляет его мама. — Или, по крайней мере, могла — в раннем детстве. Но теперь не говорит.

К счастью, она не распространяется, сколько лет длится это «теперь».

Улыбка преподобного немного меркнет, оставшись лишь в складках вокруг его глаз и в морщинках у рта.

— Совершенно верно, — замечает он. Затем продолжает — все громче и медленнее: — Моргана, вы должны дать нам понять, что согласны стать женой мистера Дженкинса. Когда я спрошу снова, согласны ли вы, просто кивните — так, чтобы мы все это видели.

Почему преподобный считает, что понятия «молчание» и «простота» тождественны? Я чувствую на себе множество взглядов. Преподобный еще что-то говорит, а затем делает паузу, чтобы я могла дать ответ. А в это время в моей голове гремит водопад Блэнкона. Я чувствую на себе теплое дыхание матери. И по нему я понимаю, что с ней не все в порядке. Я это знаю. И, зная это, в ответ на вопрос преподобного я киваю.

Я поворачиваюсь и смотрю на своего новоиспеченного мужа. Он улыбается мне. И надевает на мой палец узкую полоску золота.

— Отлично! — восклицает преподобный Томас, поспешно объявив нас мужем и женой и схватив свою книгу на замке, такую старую, что от нее поднимается облачко пыли. Моя судьба решена.

Я стискиваю зубы. Дверь часовни с треском распаивается, ударившись о стену. Преподобный ужасается внезапному ветру, сетуя, как круто погода меняется в это время года. Отчаянный порыв воздуха наводит беспорядок — проносится по страницам псалтырей на скамьях, срывает лепестки с цветов.

Я отвожу взгляд от пораженного Кая Дженкинса. И чувствую, что маме не нравится моя выходка.

Она моложе, чем ему кажется. Может быть, это из-за белого платья. Ведь, в конце концов, ей уже восемнадцать — и она взрослая женщина. Разница в возрасте между ними всего лишь несколько лет, даже если для него эти годы представляются бесконечностью. Хотя это не редкость, двадцатипятилетнему мужчине не пристало быть вдовцом. А еще он

считает ее миниатюрной. Почти хрупкой. Ее мать заверила его, что девушка сильна и вынослива, но для всех она выглядит так, словно октябрьский ветер с Финнон-Лас мог бы подхватить ее и унести далеко-далеко. И все же сейчас только начало лета. У нее еще будет время до прихода зимы, чтобы освоиться. Зима станет испытанием на прочность. Для них обоих.

После чересчур короткой свадебной церемонии все трое на повозке отправляются к дому Морганы. Они прибывают на место быстро, за всю дорогу не произнеся ни слова, за исключением указаний матери невесты, как лучше ехать. Маленький домик стоит в конце улицы из четырех жилищ местных рабочих, перед каждым из которых виднеются крошечные садики. Пока женщины забирают из дома вещи, Кай остается в повозке. Ворох одежды, перевязанный бечевкой, деревянный ящик да лоскутное одеяло — вот и все приданое его невесты. Кай помогает сложить вещи в повозку и тактично отходит назад, глядя, как мать и дочь прощаются.

— Моргана, не забывай одеваться потеплее и не отходи далеко от фермы. Тебе понадобится время, чтобы освоиться в новом доме и окрестностях.

Моргана пренебрежительно кивает головой.

— Будь почтительна к холмам, дитя мое, — она потуже затягивает шаль вокруг узких плеч девушки. — На всем белом свете не найдется человека, которого не мог бы сломить внезапный ураган. И ты, увы, не исключение.

Она качает головой и замолкает. Проведя ладонью по подбородку дочери, она запрокидывает лицо Морганы, чтобы заставить ту посмотреть ей в глаза.

— Моргана, это к лучшему.

Тем не менее девушка не желает смотреть на мать.

— Если женой ты будешь такой же прекрасной, как дочерью, то Кай Дженкинс — счастливейший из мужчин, милая.

Моргана поднимает взгляд, и ее глаза наполняются горькими слезами. Кай неловко переминается с ноги на ногу, не очень-то желая быть свидетелем такого болезненного расставания. Моргана крепко обнимает мать, прижав ее к себе и молча рыдая у нее на плече. Кай видит, как Мэйр закрывает глаза, не в силах сдерживать слезы. Он понимает теперь, в неумолимой ясности утреннего солнца, чувствуя всю силу горя женщины, что на ее аккуратном личике лежит печать смерти. Кай задается вопросом — как же надо любить ребенка, чтобы отказаться от него, так сильно при этом в нем нуждаясь. В его голове еще свежо воспоминание, как Мэйр была насторожена, когда он только собирался свататься к Моргане. С ее стороны подобная реакция была вполне предсказуема — в обществе к людям его профессии всегда относились с некоторым опасением. Чаще всего погонщиков считали жестокими и бессердечными, а еще нелюдимыми, потому что почти все время они проводили в разъездах, вдали от других. Погонщики в большинстве своем воспринимались как люди загадочные. Ведь многие фермеры никогда не уезжали дальше пределов своих угодий, которые можно было видеть из окна; а значит, не представляли, чем занимаются погонщики в длительных путешествиях. Кто бы стал доверять человеку, который вместе со своим стадом ночует в поле или на постоялом дворе, ночь за ночью, изредко проводя время с женщинами, очарованными этим романтическим образом жизни? Убедить Мэйр, что ремесло *главного погонщика* ничего общего с этими легендами не имеет, было задачей не из легких. Ей нужно было доказать, что *он* не такой. Правда, он не имеет опыта, и это будет его первый год в этой роли. Но Кай это заслужил. Его отец и дед были главными погонщиками. И то, что

рано или поздно он пойдет по их стопам, было предreshено. Да, звание это нельзя унаследовать по праву родства, потому что были и другие кандидаты. Но традиция, привычка, даже просто здравый смысл требовали, чтобы оно по-прежнему осталось у представителя рода Дженкинсов. В конце концов, если мужчине досталась в наследство хорошая ферма и все вокруг знают его как человека трудолюбивого и надежного, у него есть все основания претендовать на звание *главного погонщика*. Финнон-Лас славится своими угодьями — здесь годами выращивали лучший скот, накормив несколько поколений. Кай с юных лет жил жизнью погонщика — каждый год они с отцом на пару недель уезжали пасти стадо. Потом Кай женился на Кэтрин, и после смерти отца все надеялись, что он займет его место. Но Кэтрин внезапно умерла, и положение дел тут же изменилось. Ибо нельзя стать главным погонщиком, если у тебя нет жены, *живой* жены, и имения, в которое можно вернуться. Положение главного погонщика — это определенная привилегия. Представителям этой профессии люди доверяют не только свой скот, но и предоставляют право заключать от их имени договоры купли-продажи и проводить важные сделки в Лондоне, а также доверяют свои ценности. Многие люди, живущие в таких отдаленных районах, как Трегарон, никогда за границы своих угодий-то не выезжают, не говоря уже о других графствах. Благодаря погонщикам у них есть возможность заниматься торговлей. Это их связующее звено с внешним миром. Погонщики договариваются о свадьбе. Помогают перепродать имения. Пристраивают фамильные драгоценности. И все вырученные средства хранятся именно у главного погонщика, который обязуется доставить их в целости и сохранности. Для человека одинокого тут очень много соблазнов: искушение совершить преступление слишком велико, но мужчина семейный обязательно вернется домой.

И вот теперь рядом с Каем его свежеиспеченная жена. Свое свадебное платье она сменила на одежду цвета сухой земли. Теперь она выглядит менее утонченной, но все такой же хрупкой. Кай с удивлением замечает странное оживление от ее близости. Он обращает внимание на Мэйр. На лице ее написана решимость.

— С этого момента я позабочусь о Моргане, — заверяет он женщину. — Вам не стоит беспокоиться.

Мэйр кивает, подавая ему шмат сыра и кусок хлеба, завернутые в ткань.

— А вы? — спрашивает Кай. — Как вы теперь будете без нее?

Лицо Мэйр искажается в гневной гримасе. Кай знает, что задавать такой вопрос бесчестно и что Мэйр не сумеет ему ничего ответить, и все же не спросить не может. И сам не может понять, зачем все-таки спросил. Кому от этого легче? Чья совесть успокоится?

Наконец Мэйр говорит:

— Я очень рада слышать, что моя дочь будет в порядке.

— Ее станут ценить и уважать в Финнон-Лас, — добавляет Кай. Он видит, что это несколько утешает Мэйр. Он знает — она хочет верить, что с ее дочерью все будет хорошо. За тот месяц, что Кай договаривался с Мэйр насчет свадьбы, он постарался узнать все, что мог, о красивой молчаливой девушке, которая привлекла его внимание еще год назад, когда он уезжал в очередную поездку по делам. Ему удалось выяснить не так уж много, только то, что отец Морганы бросил их с матерью, когда дочь была еще совсем маленькой. Потом Моргана работала с матерью на большой молочной ферме в Кундю. Она не разговаривала с малых лет. Кай попытался расспросить людей на постоялом дворе, но смог выяснить лишь весьма скудные сведения; пару слов о том, что Моргану любят лошади, что она хорошая работница, умеет пасти стадо, и, конечно же, о ее немоте. Но кое-что Кай все же заметил. Было нечто

странное в тех ответах, которые местные жители давали на вопросы о Моргане. Каждой фразе о девушке неизменно предшествовала небольшая пауза. Кого бы он ни спрашивал о ней, люди словно немножко сомневались, прежде чем начать говорить. Как будто изо всех сил пытались подобрать правильные слова. Кай был уверен — в этих мимолетных паузах, в этих вздохах и сокрыта истина о Моргане.

Он берет бразды в руки и щелкает языком, после чего маленькая лошадь начинает бежать рысью, словно не замечая тяжелой повозки, которую тянет. Моргана оборачивается на сиденье, махнув одинокой фигуре своей матери. Та машет ей в ответ, а потом рука женщины опускается. Повозка сворачивает, и Мэйр исчезает вдали.

Кай и Моргана едут вдоль русла Аска. Слева от них серебрится лента огромной реки, повозка мчится по широкой долине. По обеим сторонам ее возвышаются величественные горы. А над ними вьется коршун, взмывая все выше на волнах теплого воздуха, и крик его кажется невероятно беспокойным. Кай смотрит в сторону жены. Слезы в ее глазах уже высохли, но на лице все еще страдальческое выражение. Кай знает — что бы он ни сказал, на душе Морганы легче не станет, и тем не менее он заводит разговор.

— Остановимся на ночлег в Брэконе. Если погода продержится, мы будем в Финнон-Лас уже завтра днем, — говорит Кай, показывая на гладкую, твердую поверхность дорожки. — Это хорошая дорога. Местным жителям стоило бы благодарить за это погонщиков скота, не правда ли? Вот только они не спешат сказать «спасибо». Зачем, если лучше наслаждаться жалобами: мол, наши повозки и стада месят грязь, когда идет дождь. Хотя так происходит только в это время года. Все остальное время дорога здесь такая чистая, какой ты видишь ее сейчас. И всем от этого лучше.

Кая раздражает его собственная попытка заполнить тишину болтовней. Он понимает, что это вредная привычка, от которой, ради блага их семейной жизни с Морганой, ему стоило бы избавиться. В конце концов, одной из тех черт в ней, которые его сначала и привлекли, была ее немота. До сих пор непонятно, почему. Когда Кэтрин была жива, беседовать с ней было одно удовольствие. Кэтрин умела дразнить его, а потом смеяться, когда он краснел. Кай задумался — а услышит ли он когда-нибудь смех Морганы. Наверное, нет. Он просовывает руку в карман пиджака и собирается достать приготовленный для нее подарок. Мягкий хлопок и шелковая лента, которой обернута вещица, приятно щекочут его теплые пальцы. Кай провел много счастливых часов, вырезая для невесты эту маленькую ложку. По традиции, надо было подарить ее Моргане, когда они только обручились, но тогда момент показался неподходящим. Тогда Кай решил преподнести подарок на свадебной церемонии, но застеснялся и упустил правильное мгновение для этого.

Повозка с опасной скоростью поднимается в гору. Это последняя гора из гряды Блэк-Маунтинс. Маршрут Кая и Морганы пролегает через село Болх, расположенное на ее скалистой местности. К тому времени, как повозка въезжает на вершину, лошадь уже совсем устала и беспорядочно перебирает ногами, опустив голову, словно пытаясь опереться на упряжь. Но Кай знает — его верный конь не подведет и доставит их с женой к месту назначения. На обочине он видит желоб-поилку для лошадей. Остановив повозку, Кай спрыгивает на землю.

— Пусть чуть-чуть отдохнет, — говорит он Моргане.

Та спускается следом, на мгновение обернувшись, чтобы в последний раз окинуть взглядом далекий Кундю, оставшийся на другом конце долины. Последний раз взглянуть на то место, которое считала своим домом. Кай подводит коня к поилке, и тот начинает пить.

Уши животного дергаются с каждым глотком. Кай вытаскивает из повозки съестное, которое им в дорогу дала мать Морганы, а потом достает оловянную кружку, наливает воды и передает девушке. Супруги едят и пьют молча. Кай понимает, что наблюдает за женой, и замечает: она ни разу не посмотрела на него. Как будто он для нее совершенно ничего не значит. Кай спрашивает себя, надолго ли это. Легкий ветерок шевелит иссиня-черные волосы Морганы. На свадьбе у нее была высокая прическа, но сейчас она распустила волосы, приколов их по бокам заколками — это делает ее похожей на девчущку из соседней деревни. Где-то за изгородью слышится бляение ягненка, потерявшего маму, — его плач громок и пронизан страхом. Но вот в ответ раздается более низкое «бе-е-е» матери-овцы, и снова становится тихо. Кай привык молчать исключительно наедине с самим собой, однако сейчас ему на удивление спокойно. Очевидно, Моргане не нужна вся эта непрерывная болтовня, которую так любят женщины. Если Кай сможет утихомирить свое сознание, сможет побороть те мысли, что носятся в его голове, быть может, в такой спокойной атмосфере ему будет хорошо. С тех пор как умерла Кэтрин, с тех пор как он пережил это горе, тишина казалась ему хранительницей лишь одиночества и боли утраты. Последнее время он только и думал, что о потере любимой женщины. Вот только было бы справедливо заметить — и об этом Кай тоже прекрасно знал, — что таким покинутым, одиноким, брошенным он чувствовал себя всегда, даже в компании других людей. Где-то внутри него вспыхнул слабый, маленький огонек надежды, что теперь, с появлением Морганы, все изменится.

Тем же днем они приезжают в «Дроверс» на западной стороне рынка города Брекон. Лучи вечернего солнца уже начинают окрашивать бледные стены скромного здания в розовый оттенок. Дав служащему монетку, Кай просит его присмотреть за лошадьё, а они с Морганой несут вещи в дом. Гостиная на первом этаже выглядит довольно просто: высокие деревянные стулья с длинными спинками у камина, в центре комнаты пара столов, вокруг которых стоят скамьи. На другом конце гостиной находится узкая барная стойка, получившаяся благодаря уложенной на брусья подпорке — за ней стоят бочки, графины и пивные кружки. Вечер еще ранний, так что комната пуста — исключение составляет лишь одинокий фермер, уснувший при свече, которая уже успела погаснуть. Хозяин гостиницы, добродушный, круглолицый мужчина, тепло встречает Кая.

— Дженкинс, дружище! — хватает он парня за руку и энергично ее пожимает. — Рановато ты что-то, сезон ведь только начался.

— Ах, Дэфидд, в этот раз я не по делам.

Кай знает, что от него ждут более полную информацию, но выражение лица Морганы мешает ему произнести такие слова, как *свадьба* или *невеста*. И он рад видеть, что жена вздыхает с облегчением, когда он просто просит жилье на ночь и что-нибудь на ужин, сделав вид, словно не заметил любопытства своего знакомого.

Их провожают на второй этаж, в комнатку с очень низким потолком и настолько маленькую, что в ней едва хватает места для кровати. Когда они остаются одни, Кай пытается успокоить Моргану.

— Я пойду, посижу с Дэфиддом, — говорит он. — Мужик любит поговорить, и вряд ли мое участие в разговоре вообще потребуется. Поэтому я не стану рассказывать ему о нашей... Ну, пойду я. Распоряжусь, чтобы ужин тебе принесли в комнату.

Моргана смотрит на него, темные глаза широко распахнуты, она выглядит злой, и на ее лице очень ясно читается лишь один вопрос. Как если бы она сказала слова вслух.

— Не бойся, — говорит Кай, — я посижу в баре допоздна. Я тебя не... Побеспокою.

Она кивает и опускает взгляд. Кай тоже кивает, хотя Моргана на него не смотрит, разбирая свой багаж. Он заглядывает через плечо и с удивлением замечает, что в коробке Морганы книги.

— О, так ты умеешь читать? — Увидев выражение лица Морганы после этого вопроса, Кай краснеет и тут же добавляет: — Ну да, конечно же, почему нет? И не только по-валлийски, как я погляжу. Очень хорошо. Да, это очень хорошо.

Кай уходит, радуясь, что оставил Моргану в одиночестве, уже предвидя дальнейшее облегчение, которое принесет ему кружка теплого эля.

Он закрывает за собой дверь, и наконец я снова одна. Его благие намерения меня утомляют. Мама бы сказала, что я должна быть благодарна. Мне должно быть приятно — ведь у меня такой внимательный муж. Но я не рада. Я делаю все возможное, чтобы никто не смог по выражению моего лица понять, какой сумбур творится в моей душе, но, должно быть, это все равно видно, по крайней мере, это не укрылось от глаз Кая. И вот я стою в этой комнате, словно загнанный зверь, одинокая жена в свою первую брачную ночь. Он заверил меня, что не *побеспокоит*. За это я ему очень благодарна. Но чего он ждет от меня потом? Сегодня Кай собирается довольствоваться сугубо мужской компанией. Но вот в том, что положение вещей не изменится, когда мы приедем в его собственный дом, я не могу быть уверенной.

Чтобы отвлечься, я решаю почитать папины книги. В комнате есть две свечи, и ночь еще не совсем опустилась на деревню, так что кое-какой свет проникает в окно. Забавно, содержимое моего дорожного сундучка удивило Кая. Он подумал, я умею читать, и удивился. Конечно, умею. Впрочем, писать я могу не так хорошо. Неужели он считает меня простушкой? Неужели собирался взять в жены неотесанную деревенщину? Вот уж не думаю. Когда Кай узнал, что я не совсем необразованная, казалось, он обрадовался. Да, я какое-то время успела походить в школу, и за это, как и за все остальное, надо благодарить мою мать. Именно она настояла, чтобы меня взяли в местную начальную школу.

— Но, миссис Причард, — попытался отговорить ее вечно уставший господин Рис-Джонс, школьный учитель. — Разумеется, невозможно учить девочку с таким... недугом.

— Моргана не страдает никаким недугом, сэр. Она просто не говорит.

— И верно. Так ведь если она не может произносить буквы, как же у нее получится их запомнить? Если я не могу послушать, как она читает, как же смогу ее исправить? Если она не может ответить на вопросы, как же она будет учиться?

— Но слушать-то Моргана может, господин Рис-Джонс. Разве не так учат детей Божьих?

На это Рис-Джонс не ответил ничего, разве только поджал свои тонкие, сухие губы. Мне разрешили ходить в школу, на столько предметов, на сколько я «могла». Таковы были масштабы доброты господина Рис-Джонса. Мое место было в дальнем углу классной комнаты. У меня не имелось ни мела, ни доски, и никто никогда не пытался объяснить мне, как правильно писать. Однако мне разрешили слушать, и я могла читать те книги, которые никто другой не брал. Я слушала, и я смотрела, и постепенно узоры на бумаге стали раскрывать мне свои тайны. О, как мне хотелось их поскорее узнать. О, какой мне это казалось радостью — иметь возможность погрузиться в умы других людей, услышать их мысли так же ясно, как если бы они шептали их мне на ухо. И не тех людей, которые всю жизнь провели в поле или за ткацким станком. А умы куда более возвышенные. Умы, полные мыслей и грез вне пределов моего маленького мира. Господина Рис-Джонса не волновали

мои успехи в учебе. Собственно, он и не мог никак оценить, делала я их или нет. Но мама видела все. Она видела, как я садилась на ковер перед камином и, поджав ноги под себя, читала книги. Она была свидетельницей священного ритуала: следуя за ходом повествования, я с благоговейным трепетом переворачивала новую страницу, хотя и не очень понимала то, что там написано.

— Моргана! — однажды сказала мама. — Я тебя еще ни разу не видела без книги в руке.

И улыбнулась, довольная моим скромным достижением. Радуюсь моему такому привычному для людей дару. Радуюсь, что, как мне представляется, в конечном итоге оказалась права — и я смогла научиться читать.

Увы, мое обучение продолжалось не столь долго, чтобы я успела усвоить большую часть школьной программы. Как оказалось, учитель не очень-то меня переносил. В один из зимних дней, когда темнело рано и снег лежал на земле толстым покрывалом, вскоре после того как мне исполнилось десять, в классе появился новенький. Его семья недавно переехала сюда: отец мальчика был уважаемым скотоводом, которого принял к себе на службу местный житель по имени Спенсер Блэнкон, чтобы тот стерег его стадо пемброкширских овец. Ивор был единственным ребенком в семье, и ему явно во всем потакали. Его тельце казалось пухлым и рыхлым от чрезмерного количества съеденных гостинцев. У мальчика были огненно-рыжие волосы, лицо его, круглое и красное, выглядело безумно, и выражение на нем всегда было такое, будто он только и ждал, чтобы окружающие ему что-нибудь подарили. Так как в нашей школе его никто не знал, Ивор столкнулся с новым для себя впечатлением — его явно невзлюбили. Одноклассникам не нравились его полнота, чрезмерное самомнение и очевидная уверенность в том, что весь мир создан исключительно для его блага. Ведь его родители были слишком заняты тем, что баловали его и задаривали подарками, и совершенно забыли научить, как надо вести себя с другими людьми. И, оставшись один на один перед классом, сбитый с толку отсутствием интереса к собственной персоне, Ивор не нашел ничего умнее, кроме как выбрать объект для насмешек одноклассника, издеваясь над которым, он смог бы показать себя в более выгодном свете. Нужен был кто-то, кого не любили еще больше, чем самого Ивора. Кто-то, кто не вписывался. И на свою беду, и на мою, новичок остановил свой выбор именно на мне.

Некоторое время я стойко терпела его насмешки и издевательства. К слову сказать, я сталкивалась с подобным отношением уже не первый раз. Люди боятся того, чего не понимают, и этот страх делает из них отъявленных мерзавцев. Вот только Ивору не хватало умения бояться. Хотя ему стоило бы испугаться. Но он продолжал издеваться, насмехаться и устраивать подлые шутки надо мной. Каждый день в своей борьбе за место под солнцем он завоевывал еще один маленький клочок территории. И каждый день запас моего терпения иссякал все больше.

Тем зимним утром, когда хрупкие лучи солнца робко пробивались в бесцветном небе, Рис-Джонс отправил нас на улицу, чтобы мы подышали воздухом и хоть как-то развеялись. Ивор воспользовался моментом. В своей пышной шубке он выглядел еще более пухлым, чем обычно: его толстая задница широко расползлась по присыпанной снегом скамейке под окном классной комнаты. Парень крикнул мое имя, уже состроив на лице идиотскую гримасу:

— Не *шуми* так, Моргана. Господин Рис-Джонс не любит *шум*, не любит *болтовню*. Ох, да я же забыл, ты ведь не можешь говорить? Ты же слишком глупая для этого.

Несколько моих одноклассников заулыбались, перестав играть, чтобы посмотреть на это

«веселье». На то, как «весело» надо мной издевались.

— Ну тише же, Моргана! — осмелев, крикнул Ивор еще громче. — Ты мешаешь всем своей дурацкой болтовней. Что ты сказала? Не может быть, потому что ты слишком глупа, чтобы говорить? Глупая немая! Глупая немая! — пропел он, и его щеки налились румянцем. — Моргана Глупая-И-Немая, вот как тебя надо было назвать. Мисс Моргана Глупая-И-Немая!

Ивор распался все больше. К нему присоединились и другие дети, смакуя злую песню, и вскоре воздух наполнился их мерзкими криками и смехом. Глаза Ивора блестели, он весь раздулся от собственной сообразительности. Так не могло продолжаться долго. Не могло!

Я хотела оказаться где-нибудь в другом месте. Конечно, я могла бы сделать так, чтобы веки мои налились свинцом, могла приглушить голоса и отправить разум в какое-нибудь тихое место, где чувствовала бы себя куда свободнее. Но не сделала этого. Не в этот раз. Внутри меня вскипела волна гнева, превратившись во что-то жесткое, обжигающее, и этому чему-то нужен был выход, иначе я бы стореда изнутри, охваченная этим чудовищным пламенем. Я вдохнула, чувствуя в своем горячем дыхании обжигающую силу. Я метнула жуткий взгляд в сторону моего мучителя, мои глаза расширились, поймав его ответный взгляд, который дрогнул, когда он понял, что во мне происходит. Я смотрела на Ивора не отрываясь, как вдруг снежный покров над тем местом, где он сидел, задрожал, а другие дети немедленно заметили это и замолчали. И тут раздался треск, снежный ком соскользнул с черепицы, понесся к земле и приземлился прямо на Ивора, накрыв его целиком. Теперь тишина была нарушена ликующим смехом, а дети, смеясь, показывали пальцем на «снеговика», которым парень стал. Он со стоном выбрался наружу — снег сыпался с его шубы и ресниц. Смех стал громче. Ивор выглядел совершенно нелепо, плача, как младенец, под градом насмешек — теперь объектом издевательств был он.

Конечно же, на этот шум тут же примчался Рис-Джонс. Он широко распахнул дверь, замерев на пороге, когда заметил Ивора в снегу. Сначала Рис-Джонс глядел на других мальчиков и девочек, которые пытались успокоиться, а потом перевел взгляд на меня. Он прищурился недобро, хотя меня не очень-то волновало его мнение. Ясно, что и его мое отношение к нему вряд ли волновало. В конце концов, учитель с самого начала принял меня в класс не слишком-то охотно. С каждым пройденным месяцем я нравилась ему все меньше, и мой конфликт с Ивором явно не шел ситуации на пользу.

Через пару недель после этого инцидента напряжение достигло критической точки. Был урок математики, и страдания от занудных уравнений довершались жарой в помещении — солнце, проникавшее сквозь огромные окна, нагревало воздух слишком сильно. Кто-то из старших девочек попросил проветрить класс, и Рис-Джонс поручил это мне: чтобы открыть окно, нужно было воспользоваться большим шестом с крючком на конце. Я уже шла к окну, как вдруг Ивор высунул ногу. Я споткнулась и повалилась на пол у самых ног учителя. И снова раздались насмешки. Я схватила шест и, не вставая, повернула защелку. Нужно было зацепить раму на специальную застежку, и тогда окно как раз раскрылось бы на пару дюймов, впуслав чуть-чуть воздуха. Только мне показалось, что такого количества воздуха не хватило бы даже одному из расхаживавших вокруг школы голубей, не говоря уже о детях в классе. И тут мне в голову пришла озорная мысль. Я представила себе картину: множество голубей летают по классу и гадают на всех, особенно на Ивора. Слишком соблазнительная мысль... Конечно же, в том, что окно распахнулось настежь, Рис-Джонс обвинил меня. И за то, что в комнату влетели голуби. И он не мог не заметить, что серых пятен от испуганных

птичек не было лишь на мне. Учитель никогда не смог бы объяснить, как именно я смогла заколдовать голубей, но отделаться от меня он захотел окончательно. Когда мама пришла забрать меня из школы, ей прямым текстом было объявлено: я больше не имею права посещать занятия.

Поездка приближается к концу — уже показались леса на границе его владений, и Кай чувствует неприятное напряжение. Придется ли Моргане по душе Финнон-Лас? Он уверен, размеры поместья, фермы и стада ее вряд ли разочаруют, но сможет ли она привыкнуть к этому месту и считать его своим домом? Каю неизвестно, что мать Морганы рассказала ей о его должности. Как знать, может быть, для Морганы это не имеет никакого значения. Кай знает только, что она оказалась вдали от единственного дома, который у нее когда-либо был, вдали от своей матери, рядом с чужим человеком. И знает, что не хочет оставаться ей чужим. Что бы он там ни говорил о своей необходимости жениться из-за лицензии — хотя это и правда — есть же и помимо этого вещи, которых он жаждет, на которые надеется, которых ожидает? Впрочем, нет, последнее слово здесь неуместно. Кай просто *желает* иметь с Морганой эмоциональную связь, которая не подразумевается брачным договором. Которая существует сама по себе.

Он вспоминает, как впервые увидел ее несколько долгих, одиноких месяцев назад. Тогда Кай остановился на ночь в Крикхауэлле как раз в базарный день. Пристроив свое стадо и не имея никаких обязательств в качестве *главного погонщика*, он забрел в маленький городок, чтобы отвлечься и посмотреть, что продают местные жители. Был поздний вечер, и все уже начинали расходиться по домам. Торговцы закрывали лавки. Но Кай все же успел застать нескольких задержавшихся. Они стояли рядом со столом, застеленным грубой хлопчатобумажной тканью, на которой было разбросано несколько шматов сыра.

Моргана стояла позади. На ней было простое платье из хлопка и яркий белый фартук. Девушка выглядела чистой и крепкой, но что-то в ней было не так. Ее волосы были собраны в высокую прическу, и темные кудри выбивались из нее то тут, то там, и казалось, она вот-вот развалится и опустится на стройные плечи Морганы. Кай поймал себя на мысли, что ему хотелось бы подобного исхода. И хотя девушка тихо стояла за прилавком, от Кая не укрылось ее беспокойство. Как будто она еле сдерживалась, чтобы не сбежать отсюда, как будто хотела оказаться в другом месте, там, где, как он подумал, попросторнее и поменьше людей. Взгляд Морганы нервно скользил по всем проходящим мимо, и когда городские часы пробили пять, она, словно услышав сигнал к действию, стала быстро собирать вещи, чтобы поскорее освободиться от ненавистной обязанности стоять у прилавка.

Она так торопилась, заворачивая шматы сыра, что один из них выскользнул у нее из рук. Покатился по дороге, собирая пыль и грязь, и, наконец, остановился рядом с ножкой чужого прилавка. Моргана бросилась за ним, сопровождаемая смехом завсегдаев рынка. Чтобы достать сыр, ей пришлось опуститься на колени и залезть под прилавок ларька. Двое мужчин, явно не слишком трезвых, отпустили в ее сторону едкие насмешки. Как неуместно и жестоко, подумал Кай. Он протиснулся через толпу, поспешив на помощь девушке, но, прежде чем успел добраться до нее, она за себя отомстила. Схватив того из мужчин, который нетвердо стоял на ногах, за лодыжку, Моргана дернула его что было сил, и мужичонка врезался в своего собутыльника, после чего они оба рухнули в соседнюю палатку с рыбой и дичью. Парочка заметалась среди форели и спелых фазанов, а местные жители, наблюдавшие за этим спектаклем, дружно расхохотались. Моргана вскочила на ноги, подхватив упавший шмат сыра. Один из пьяниц поднялся на колени, осыпая девушку отборной бранью. Кай затаил дыхание, ожидая ее реакции. Моргана прищурилась, подняла

руки с сыром и с силой швырнула его в мужчину. Ошеломленный, тот отшатнулся — по его голове посыпались куски сыра. Толпа разразилась смехом. Кай обнаружил, что тоже смеется, а потом заметил на себе пристальный взгляд Морганы. И повернулся к ней, посмотрев в ее темные, с огоньком, глаза, и в этот момент, в этом проблеске, он мог поклясться, что почувствовал, как что-то пробежало между ним и девушкой. Что? Было ли это притяжение? Мимолетное пламя похоти? Кай не мог понять, что это, но, что бы это ни было, его словно ударила молния. И он был уверен — Моргана это тоже почувствовала.

Кай смотрит на свою жену. Сегодня Моргана села напротив, а не рядом с ним, наверное, чтобы повозка лучше держала равновесие. Ему нравится, что теперь ему легче на нее смотреть, но теперь ему не хватает ее близости. Вчера ночью Каю почему-то было очень трудно задержаться подольше с Дэфиддом, зная, что Моргана наверху одна. Но он посчитал, что будет разумнее оставить ее в покое. Кай не хотел ее ни к чему принуждать. Не хотел превращать их сближение во что-то обязательное. Нет, он решил быть терпеливым. Когда он наконец пришел в их комнатушку, вид спящей жены пробудил в нем не страсть, а скорее сочувствие. Моргана выглядела такой уязвимой. Он с мгновение рассматривал ее, а потом лег в кривое кресло, укрывшись шерстяным покрывалом. Зачем спешить — в конце концов, им было суждено прожить вместе всю жизнь.

— Вот же! — Кай не в силах скрыть свою радость: он снова дома. — Вот он, Финнон-Лас.

Он показывает рукой в сторону нескольких домов, виднеющихся вдали. Кай наблюдает за реакцией Морганы. Он уже может читать мельчайшие изменения в выражении ее лица. Моргана не издает ни звука, но ее брови удивленно поднимаются, зрачки сужаются, а губы совсем чуть-чуть приоткрываются. Конь, почуяв дом, ускоряет шаг, и вскоре повозка уже несется по подъездной дороге к ферме. Теперь Моргану одолевает странное оживление. Она поворачивается в своем кресле так, чтобы лучше видеть скошенные луга, дубовую рощу и пруд с прекрасной раскидистой ивой на берегу, высокую гору позади имения, несколько сараев, и, наконец, сам дом.

Поместье Финнон-Лас стоит, как стояло уже более века, задним фасадом к горе, рядом с которой оно было построено. Двухэтажный дом с высокими окнами, выходящими на юго-восток, первым приветствует лучи утреннего солнца и укрывает своих жителей от жестоких ветров зимой. Поместье выглядит не очень красивым, но презентабельным. Линии его лишены грации, но довольно складны, и видно, что дом не был построен наспех. Сине-серый камень, из которого построен особняк, покрывает дикая жимолость, которая бурно разрослась над входной дверью и окаймляет окна первого этажа своими узкими листьями и бледно-желтыми цветами. Даже покрытая темным сланцем крыша бодро переливается под летним солнцем. Во двор можно попасть через маленькие железные ворота, по дорожке, выложенной каменными плитами, по обе стороны которой виднеется не очень-то аккуратная лужайка и цветники из роз и кустарников, по-видимому, счастливые в своем полудиком состоянии.

Кай останавливает коня у ворот.

— Ну? — он не может не спросить. — Как тебе мой дом?

На лице Морганы он видит удивление. Что она себе навоображала, думает Кай. Неужели какую-нибудь жуткую берлогу? Или мрачный фамильный склеп? Ему нравится ее удивление.

Моргана поворачивается к Каю, и тот надеется, что она собирается широко улыбнуться,

когда изнутри дома доносится хриплый лай. Входная дверь распаивается настежь, и два корги несутся к повозке со всех ног. Они бегают вокруг повозки, сливаясь в два огненно-рыжих вихря, не прекращая двигать своими короткими лапками и пушистыми хвостиками. Теперь Моргана и правда в восхищении.

Кай смеется.

— Ну, хватит уже, Брэйкен! Мег, прекрати лаять! Не к таким собакам ты привыкла, я полагаю?

Моргана качает головой, спрыгивает с повозки, чтобы радостные песики могли приветствовать ее должным образом.

— Колли здесь никто не разводит, — поясняет Кай, — а корги хорошо приспособлены к холмистой местности, настоящие пастушьи собаки.

Каю нравится, что его собачки так понравились Моргане. Лишь спустя минуту или около того он понимает — на него кто-то пристально смотрит. В дверях он видит миссис Джонс.

— Кай Дженкинс, — качает она головой, — и как долго ты позволишь своей жене стоять тут, в окружении сумасшедших псов, вместо того чтобы показать ей дом? *Ох, мальчик мой*, что же нам с тобой делать?

Хольвен Элюнед Прайс-Джонс, которая настаивала, чтобы все называли ее просто миссис Джонс, женщина столь же высокая, сколь полная. И настолько добрая, насколько это возможно. Ее полнота является следствием любви к выпечке, а мягкие линии лица и ямочки на щеках говорят о ее всегдашней радушии. Как всегда, на ней безупречно чистый фартук, колпак накрахмален до треска, а глаза столь юные, что никто не заподозрит, что ей уже глубоко за шестьдесят. Не в первый раз Кай задумывается, как он пережил бы те жуткие дни после смерти Кэтрин, если бы рядом не было чуткой и доброй миссис Джонс.

Неловко он протягивает руку Моргане.

— Познакомься, Моргана, это миссис Джонс.

Моргана прекращает гладить собак и встает. Поколебавшись немного, она все же позволяет ему взять себя за руку и отвести по дорожке к дому. Кай поражен тем, насколько ее рука легка и невесома, и ловит себя на мысли, что не хочет ее отпускать.

— Миссис Джонс, позвольте представить вам мою жену, Моргану Дженкинс. Моргана, это моя тетя и домоправительница, миссис Джонс.

— Ой, какая же вы хорошенькая! Простите мою бесцеремонность, — миссис Джонс с трудом изображает подобие реверанса, еле передвигая свои располневшие ноги. Моргана спешит помочь ей встать, качая головой, явно смущенная, что ей выказали такую честь. Две женщины пристально рассматривают друг друга. Наконец миссис Джонс, ликуя, хлопает в ладоши.

— *Ох, ох*, — говорит она тихо, — пора бы уже счастьем вернуться в Финнон-Лас.

И переводит взгляд на Кая, который разглядывает свои сапоги.

— Пойду принесу вещи, — говорит он.

— Да черт с ними, с вещами! — шокированным голосом произносит миссис Джонс. — У тебя что, других дел, поважнее, нет?

Кай смотрит на нее непонимающим взглядом, и домоправительница продолжает:

— Ну же, давайте, мистер Дженкинс, перенесите вашу невесту через порог!

Кай хочет возразить, но вдруг видит, что Моргана сделала еле заметный шаг назад. Она что, в самом деле хочет, чтобы он перенес ее через порог? Чтобы взял ее на руки и внес в

дом? Как настоящую жену. Из-за нерешительности Кая момент затягивается, и он уже не может совершить этот яркий поступок и очень об этом жалеет. Вместо этого мужчина лишь бормочет что-то о том, какой утомительной была поездка, и спешит к повозке.

На секунду мне кажется, что он вот-вот решится; сделает шаг вперед, подхватит меня на руки и перенесет через порог, как того требуют традиции. Но Кай не делает этого. И чем же объяснить его нежелание? Может, он и вовсе меня не воспринимает как свою супругу? И жениться на мне было просто необходимостью — не более чем формальностью, которая нужна, чтобы подтвердить его статус главного погонщика? И больше я ему незначем? Может быть, я и не хочу, чтобы он заставлял меня выполнять обязанности жены, но уж точно не согласна на неопределенность: этак я, выходит, и не любовница, и не помощница по хозяйству! Тогда что же он вообще намерен со мной делать?

Признаюсь, я поражена видом Финнон-Лас. Это не просто милая ферма, как я предполагала, а довольно большое и надежное поместье. А домоправительница какова! Да, я ошиблась насчет того, что Кая Дженкинса не кормят — миссис Джонс не похожа на человека, который жадничает за обеденным столом. Но почему же тогда Кай такой худой, почти прозрачный?

Поняв, что через порог меня не перенесут, а муж занят пожитками, миссис Джонс принимает на себя роль гостеприимной хозяйки.

— Входите, милочка, добро пожаловать. Господь знает — пока мужчины медлят, брать инициативу в свои руки приходится нам, женщинам! — улыбаясь, вздыхает она.

И ведет меня в широкий холл, посреди которого возвышается широкая лестница из полированного дерева, поднимающая на второй этаж. Со всех сторон зал окружают двери — и как тут не заблудиться? Зачем так много комнат одному человеку? Я вхожу в помещение, которое миссис Джонс назвала гостиной. Высокие ставни подняты, комнату заливают солнечный свет. Я вижу прекрасный камин и роскошный диван. У стены стоят старинные часы. Но самый яркий предмет мебели — огромный сервант из дуба, в котором столько восхитительного фарфора, сколько я за всю свою жизнь не видела. Узоры на каждой тарелке и чашке кажутся замысловатыми, и я подхожу ближе, с любопытством разглядывая завитки нарисованного на посуде шиповника, плюща и вьющихся виноградных лоз.

За моей спиной возникает Кай.

— О, я вижу, тебе по душе фарфор Кэтрин? Она так им гордилась. Это подарок ее матери.

Он замолкает и оглядывается, словно в первый раз видит гостиную.

— Я не часто сюда захожу. Не люблю проводить время в праздности.

Повисает неловкая пауза, и Кай спешит покинуть зал, а миссис Джонс, порхая вокруг меня, рассказывает обо всех удобствах, которые имеются в доме. Я брожу из комнаты в комнату, и вскоре у меня уже начинает кружиться голова оттого, что постоянно приходится ею вращать. Меня начинает мучить воздух, которым я дышу, и так хочется наружу, на улицу. А еще мое внимание привлекает нечто странное. Я чувствую, что стою в дверях спальни Кая. В воздухе веет холодом, и мне тяжело дышать, непонятно отчего. Но мой гид гонит меня дальше, и у меня нет времени рассмотреть это помещение как следует. В конце концов мы приходим на кухню. В опрятной печке горит огонь, освещая помещение и даря тепло. Посреди кухни возвышается скобленный деревянный стол, окруженный несколькими стульями с высокой спинкой, развешанные по стенам крючки для мяса и стоящие всюду

горшки тоже здесь, а еще тут есть маленький шкафчик, в котором хранится фаянсовая и оловянная посуда. У окна — кушетка с подушками, обивка которой потрепана и усыпана собачьей шерстью. И в ту же минуту, как я и миссис Джонс с Каем подходим к ней, оба пса запрыгивают на кушетку, прижав мордочки к стеклу окна, рассматривая двор в поисках непрошенных гостей.

— Ну, что ж, — говорит Кай, — пойду проверю стадо... — он колеблется, как и я, не зная, как поступить... — Миссис Джонс покажет, где здесь что...

Кай замолкает, хорошо понимая, что я уже все увидела. Миссис Джонс приходит на помощь.

— Возможно, миссис Дженкинс хотела бы немного отдохнуть? — произносит она: — После столь долгой поездки.

Кай смотрит на меня, и я знаю, что он понимает — я не устала. Я два дня ничего не делала, с чего бы это мне вдруг устать? В глазах Кая я вижу беспокойство. То, как он нервно переминается с ноги на ногу, выдает его смятение. Он все же выдавливает из себя фразу:

— Конечно. Ты, наверное, хочешь разобрать вещи. И отдохнуть с дороги... Миссис Джонс поможет тебе приготовить обед, если пожелаешь.

Сдавшись, он поворачивается к двери, чтобы уйти. Я сжимаю кулаки. Дверь перед ним захлопывается.

— Ой! — вскрикивает миссис Джонс. — Ну и сквозняки же у нас тут!

Кай смотрит на меня. Он замечает что-то в моем взгляде, и это заставляет его задуматься, погрузиться в размышления. Я не отвожу глаз. В голове моей вертятся мамины слова: *«Не упряжься, Моргана. Поступай так, как того пожелает твой супруг»*. Неужели я должна во всем ему подчиняться? Остаться в этом огромном доме, делая вид, будто мне хочется готовить, пока он будет возиться на холме со скотом? Я наклоняю голову в сторону, словно спрашивая его взглядом. Поняв мой вопрос, Кай, приободрившись, произносит:

— Или ты хочешь пойти со мной?

Я еле заметно киваю. Дверь раскрывается. Кай и миссис Джонс стоят неподвижно, а я прохожу мимо них, корги несутся рядом.

Мы выходим из дома и идем по небольшому лугу, расположенному рядом. Солнце светит так ярко, что горизонт перед глазами начинает расплываться. Я следую за Каем по крутому склону, пытаюсь удержать равновесие. День очень теплый, но не жаркий, и мягкий ветерок приятно холодит кожу. Собаки мчатся вперед, виляя хвостиками, и их мокрые носы шарят по траве, а большие ушки колышутся на ветру. Сначала Кай пытается скрасить неловкость бессмысленной болтовней, но чем дальше мы уходим от поместья и чем ближе оказываемся к вершине холма, тем более спокойным он выглядит. Не думаю, что муж просто старается не сбиться с дыхания — ведь он, должно быть, уже натренировал его постоянными восхождениями на холм: под тонкой тканью его рубашки я вижу перекатывающиеся мышцы. Так что вряд ли ему тяжело. Скорее всего, Каю было неуютно в доме, но, едва оказавшись на свежем воздухе, под бескрайним небом, он сразу же успокоился. Как и я!

Мы проходим еще одни ворота, находящиеся на сей раз довольно далеко от поместья, и лужайка под нашими ногами становится совсем другой. Теперь она покрыта уже не пышной зеленой травой. Здесь нет цветущего клевера, а лишь мелкая и колючая поросль со спутанными корнями, которые плотно цепляются за тонкий слой земли, покрывающей каменистый склон холма. А сама эта земля сплошь состоит из торфа, сквозь который пробивается вода. Осенью это место наверняка превращается в настоящее болото. Я

чувствую горький запах, почти ощущаю эту горечь на вкус. Когда мы оказываемся на вершине холма, рядом проносятся жаворонки, предупреждая друг друга о появлении незваных гостей. Где-то далеко впереди я слышу жалобный крик чибиса — его высокий плач напоминает мне причитания о несложившейся жизни. Мы пробираемся сквозь груды остроконечных камней, и Кай протягивает мне руку. Он думает, что я настолько слаба, настолько беспомощна, чтобы нуждаться в поддержке в такой момент? Но я напоминаю себе: муж меня совершенно не знает. И, наверное, наивно полагать, что он не считает меня... женщиной. Я позволяю ему взять себя за руку. Лишь на мгновение. И то только потому, что это порадовало бы маму.

Кай останавливается и указывает куда-то вверх.

— Вот здесь граница моих владений. Видишь тот сосновый бор на западе? А далеко на севере начало Ком Кэнон — почва там другая, сплошные болота. К югу — луга Лампетера, мы с тобой их видели, когда подъезжали к поместью...

Поняв, что я не слушаю, он замолкает. Мне не нужны слова, чтобы понять, увидеть окружающее меня волшебство. Какой простор! Какие пейзажи! Совсем не те, что дома, где повсюду скалистые уступы и огромные гряды Черных Гор. Здесь же сплошные холмы, до самых вершин которых простираются восхитительные пастбища. Лесов вокруг, конечно, не видно, но в долинах внизу то тут, то там виднеются рощицы, одинокие рябины и терновые деревца, вокруг которых все поросло вереском. Долины окрашены в бледно-зеленый цвет и покрыты рыжевато-золотыми пятнами мелких кустов, пурпурными россыпями вереска, желтыми пушинками все еще цветущего можжевельника, зарослями брусники, с ее низкими кустами и широкими листьями. Да, в этом году урожай будет сказочным! А дыхание ветра здесь куда более ощутимо — он носится среди пахнувшей торфом земли, покрытой крошечными ручейками древних источников, обеспечивающих подачу воды даже в летнюю засуху. Далеко-далеко виднеются дома, похожие на кукольные домики — они громоздятся за холмами и горами.

Над нами вдруг раздается пронзительный крик, настолько неожиданный, что и я, и Кай, и собаки задираем головы к небу. Что-то красноватое сверкает на солнце, быстро удаляясь от нас, двигаясь столь стремительно, что лишь спустя пару минут я понимаю — это хищная птица.

— Красный коршун, — говорит Кай, — их тут немало водится.

Я привыкла к виду ястребов и стервятников, но никогда прежде не видела настолько красивую птицу. Молча наблюдаю за хищником, пока тот не исчезает где-то в голубой дали.

— Пойдем дальше? — спрашивает Кай. — Стадо пасется рядом с прудами.

Я смотрю на мужа и по его реакции понимаю, что сама не своя от радости. Я знаю, что не могу скрыть, как восхищена этим чудесным местом. Довольный, Кай улыбается. И я улыбаюсь в ответ. И вижу — он удивлен.

— Да, — кивает Кай, — они, конечно, особенные, наши холмы. Некоторые люди думают, что места здесь слишком мрачные. Неприветливые. Даже называют их зеленой пустыней, потому что здесь слишком одиноко. А вот я считаю, что лучше места и придумать сложно.

Тут наши с ним мнения определенно совпадают. Кажется, Кай не хочет портить момент, поэтому зовет меня продолжить прогулку. Пройдя еще полмили, мы оказываемся на следующей возвышенности. Угол наклона здесь острее, и тропинка такая узкая, что по ней еле смогла бы проехать повозка. Внезапно тропинка делает очень крутой поворот. Кай задевает сапогом один из камней на дорожке, и тот срывается и скатывается вниз,

приземляясь рядом с покрытым булыжником берегом реки, виднеющейся внизу. Я не знаю, как высоко мы уже забрались, и видя, как камень падает вниз, я испытываю легкое головокружение. Вершину, на которую мы только что взошли, нельзя назвать раем: поверхность ее покрыта колючей и жесткой травой, а склон слишком крут, чтобы проехать по нему на лошади. Он слишком крут даже для того, чтобы спуститься с него пешком, иначе придется преодолевать футов по двести за раз.

— Осторожнее, прошу тебя, — говорит Кай. — Мой кузен лишился жизни, сорвавшись с этого уступа.

В конце концов мы оказываемся рядом с прудами, и я замечаю стадо из коров и быков. Я не в силах скрыть свое удивление — это совсем не тот скот, к которому я привыкла в тех местах, где жила раньше. Эти животные намного меньше, с черной шерстью, даже в это время года грубой и плотной, с короткими и острыми рогами. Почуввав наш запах, они поднимают головы. По мере того как мы с Каем приближаемся, пара-тройка особей отходят назад и прячутся за своими более смелыми сородичами. Стадо кажется беспокойным, животных явно пугает наше с Каем присутствие, да и лай снующих рядом корги их точно не успокаивает.

— Тише, Мэг! Брэйкен! — Кай свистит в свисток, пронзительный звук которого тут же утихомиривает собачек, и они смиренно трусят рядом с хозяином. Коровы наблюдают за нами.

— Иногда они капризничают, — говорит Кай. — Никогда не принимай как данность, если они к тебе добры. Это не слишком домашняя порода. Они выносливы и упрямы. Другие бы тут просто не выжили.

Выражение его лица смягчается, и я вижу в глазах мужа больше, чем просто гордость. Привязанность, может быть?

— Смотри, как мои собачки быстро их соберут. Вот увидишь.

Я перевожу взгляд с маленьких, приземистых корги на покрытых плотной шерстью коров и быков, удивляясь, как такие крошечные псы справятся с задачей. Я медленно подхожу к пасущейся рядом молодой телке. Она фыркает, опустив свою черную голову.

Будь спокойна, моя черная подружка.

Животное колеблется, а затем медленно подается вперед и нюхает мою ладонь. Я оборачиваюсь к Каю. Он улыбается, показывая, что удивлен. Я ловлю себя на мысли: улыбка делает его чрезвычайно привлекательным.

Мы поворачиваем назад и идем вдоль другого склона, где пасется еще одно стадо. Кай не говорил ничего про своих лошадей, но мне уже не терпится их увидеть, особенно если они все такие же дикие и своенравные, как маленький жеребец, который тащил на себе нашу повозку весь путь от Кундю. Но мы не успеваем дойти до лошадок, потому что со стороны долины доносится грохот колес. Этот звук кажется совсем неуместным. Кай заслоняет глаза от солнца и, прищурившись, рассматривает дорогу где-то внизу. Я тоже гляжу вниз — по направлению к Финнон-Лас движется небольшая повозка, в которую запряжены две лошади. Кай как-то сразу весь ссутуливается — не слишком сильно, но достаточно, чтобы я это заметила. Он ловит мой взгляд.

— Миссис Кадуаладр с дочерьми. Надо спускаться, — говорит Кай.

Мне совсем не хочется спускаться. У меня нет ни малейшего желания покидать это место, и уж точно нет желания общаться с кучей незнакомых людей. Кай выдерживает паузу, подозревая о моем нежелании. Но все равно произносит достаточно твердым голосом:

— Надо спускаться.

К тому времени, как Кай с Морганой добираются до дома, миссис Кадуаладр и обе ее дочери уже сидят в гостиной, ожидая, когда миссис Джонс подаст чаю. Миссис Кадуаладр встречает новобрачных восторженной болтовней, напоминая кудахтанье курицы-наседки:

— Ах, мистер Дженкинс! Простите наш неожиданный визит. Все это дурацкое нетерпение! Нам так любопытно было взглянуть на вашу невесту. А вот и она! О! Такая молоденькая. Дитя мое, подойдите поближе. Дайте-ка нам на вас посмотреть. Ну, нууу, мистер Дженкинс, и что же вы в ней нашли?

Миссис Кадуаладр надела чересчур парадный капор, украшенный лентой, вычурное для такого случая платье, и слишком нарумянилась для человека с бледным цветом лица. Да и красновато-коричневая ткань, из которой были сшиты их с дочерьми наряды, выбрана явно неподобающе. Каю вся их троица напоминает собрание пудингов на кухонном столе. Он пытается представить жену, но миссис Кадуаладр быстро останавливает его:

— Мои девочки, Бронуэн и Сиан. Молодые дамы очевидной элегантности и привлекательности, с этим, я уверена, вы согласитесь. Почему-то обе не замужем, для меня это загадка. Скажем лишь, что мои дочери подходят к процессу выбора мужа со всей ответственностью. А теперь, милочка, представьтесь. Говорите громко, я не выношу, когда бормочут.

Моргана не дает никакого ответа, и Кай спешит все объяснить.

— Моя жена... Моргана... Не разговаривает, миссис Кадуаладр.

— Неужели? — удивляется гостья. — У нее что, нет языка? Или она не может издать ни звука? Последствия детской болезни, да?

Девушки устремляются вперед — по-видимому, аура загадочности вокруг Морганы привлекает их внимание.

— Нет, она может говорить, — поясняет Кай, — то есть умеет, но уже много лет молчит.

В комнате наступает гробовая тишина, как будто у каждого из присутствующих на мгновение отобрали дар речи. Кай смотрит с тревогой на Моргану. Он рад, что она подняла голову. Движение не самое элегантное, но оно выдает ее решимость, и Кай это чувствует.

— Ну, мистер Дженкинс, я, признаться, вас не пойму. Такой мужчина, как вы, обладающий всеми качествами джентльмена, может выбрать любую, и вокруг вас столько приличных молодых дам... — Тут Бронуэн и Сиан начинают краснеть. — Странно с вашей стороны обременять себя невестой с подобным... недостатком.

Кай напряжен.

— Я не считаю себя обремененным, миссис Кадуаладр. И то, что Моргана не говорит, не кажется мне недостатком. Она способна общаться со мной — в своей собственной манере, если нужно.

— Если нужно? — миссис Кадуаладр, кажется, запуталась. Она достает веер и начинает обмахиваться им, возбужденная и недоумевающая.

— И когда, скажите на милость, может *не требоваться* от жены, хозяйки такого дома, женщины, собирающейся играть важную роль в обществе, когда могут от нее *не потребоваться* навыки нормального, человеческого общения? Простите мне мое недоумение, мистер Дженкинс, но я боюсь, вы совершили непростительную ошибку, такую ошибку, о которой, я полагаю, со временем пожалеете.

Кай собирается протестовать, но тут в гостиную входит миссис Джонс. Начинается

возня — все рассаживаются вокруг стола и разбирают приборы. В общую атмосферу вносят еще больший сумбур корги, которые пытаются запрыгнуть к Бронуэн на колени. Кай просит миссис Джонс увести собак. Он замечает растерянный взгляд Морганы и кивает в сторону чайника. Несколько потрясенная, она тем не менее умудряется разлить чай. Пару мгновений миссис Кадуаладр не отрывает глаз от новой миссис Дженкинс.

— Ах, какой красивый фарфор. Это ведь посуда вашей первой жены, я полагаю? Как ужасно. Кэтрин была такой живой, такой очаровательной. Я всегда наслаждалась ее обществом. И с ней было о чем поговорить.

Сиан и ее сестра приглушенно хихикают. Моргана хмурится. Кай не уверен почему, но начинает за нее переживать. Ему кажется, поведение Морганы непредсказуемо. Даже если Кая не особо волнует мнение гостыи или ее дочерей, он все равно понимает: миссис Кадуаладр имеет определенное положение в обществе, и по собственному опыту знает, что от таких людей могут быть неприятности. Он откашливается, сделав вид, что не заметил ее комментария, и произносит со всей веселостью, на которую способен:

— Моргана, у нас в гостях жена преподобного Эмриса Кадуаладра. Это очень известный человек. Люди с удовольствием ходят на его проповеди. В воскресенье мы поедем в часовню Сор-и-Минидд, и ты услышишь его сама.

— О, вы планируете взять ее с собой, мистер Дженкинс? Разве это разумно? — спрашивает миссис Кадуаладр, поднеся к губам чашку чая.

Кай чувствует, как внутри него поднимается волна гнева, но изо всех сил пытается быть вежливым.

— Конечно, Моргана будет в церкви вместе со мной.

Гостыя улыбается слишком сладко.

— Ну, коли уж вы настаиваете. Думаю, вашей жене особенно понравится пение псалмов, — говорит она.

Кай точно не мог сказать, что произошло дальше, но вспоминая об этом потом, он поймет, что слышал, как Моргана сомкнула челюсти всего за мгновение до того, как миссис Кадуаладр начала чихать. Чихать так сильно, что выпустила из рук чашку, и горячий чай разлился по ее усыпанному лентами декольте.

Кай ворочается в постели. Инстинктивно протягивает руку, шаря по другой стороне кровати. Но его ладонь лишь скользит по холодной, неприветливой простыне. Не открывая глаз, он вспоминает, с болью все еще не утихнувшей, даже по прошествии трех долгих лет, что Кэтрин мертва. И до каких пор каждое утро его жизни будет начинаться с этой жуткой мысли? Вдруг его глаза распахиваются сами собой, потому что в голову приходит яркое воспоминание. Моргана. Он вздыхает, потирая глаза. Вчера Каю показалось правильным уступить ей свою комнату. Так поступил бы любой приличный мужчина. Он сделал доброе дело. Но теперь Кай ставит под сомнение мудрость своего решения. Прошлой ночью, когда он показал Моргане комнату, которую миссис Джонс с такой тщательностью подготовила к ее приезду, девушка, казалось, испытала облегчение. Не так уж и неожиданно с ее стороны, разве нет? В конце концов, на дворе не каменный век. Не вправе он требовать от Морганы исполнения обязанностей супруги в первую же самую ночь. Нет, так лучше. Им потребуется время, чтобы узнать друг друга. Пусть Моргана пообвыкнет в своем новом доме. Привыкнет и к нему, и к своей новой жизни. И со временем, Кай надеется, она сможет полюбить его. Но как много времени на это потребуется? Может быть, проще сразу разделить супружеское ложе, и тогда близость, бессонница и покров тьмы усилят их влечение друг к другу? Моргана так далека. Так далека. Она держится отстраненно не только с Каем, даже скорее со всеми, кроме него. И все же он обеспокоен тем, что Моргана навсегда может остаться в соседней комнате и никогда не придет к нему, если он не постарается завоевать ее? Или нет? Кай не знает, чего ожидать от жены. Любви? Почему она должна любить его? Разве Кай сам не сказал Моргане и ее матери, что его единственной любовью была Кэтрин и что у него нет никаких романтических иллюзий по поводу брака с Морганой? Возможно, девушка думает, будто он не находит ее привлекательной. Наверное, она ждет от него какого-то знака, особого поведения, которым он должен дать понять — она ему нравится.

Со стороны луга рядом с прудом раздается отчаянный лай. Судя по его интенсивности, Брэйкен преследует кролика. Но кто выпустил пса на улицу в столь ранний час? Миссис Джонс ушла домой после ужина, да и вообще предпочитала оставаться в поместье только в отсутствие хозяев. Кай не слышал, чтобы открывалась или закрывалась входная дверь — а она очень тяжелая и грохочет по каменному полу. Кай встает, подходит к окну и открывает ставни.

То зрелище, которое открывается взору, трогает его настолько, что Кай окончательно понимает, что чувствует к своей новоиспеченной супруге. Моргана в белой ночной рубашке без рукавов, босиком, с распущенными волосами, развевающимися на ветру, бежит по лугу, а собачки кружатся вокруг нее. Мерцающие лучи света от восходящего солнца освещают ее ярко-ярко, и ее тело то просвечивает сквозь рубашку, то превращается в неразборчивый силуэт. Моргана бежит, наслаждаясь свободой и не задумываясь о том, как нелепо выглядит со стороны. Она бежит с радостью джинна, которого освободили из лампы, с радостью горца, человека, которому совершенно комфортно здесь, который чувствует себя на своем месте. Кай никогда не видел женщины красивее Морганы. И он вдруг испытывает такое острое физическое желание, что ему даже становится стыдно. Так или иначе, подсознательно Кай чувствует, будто предает Кэтрин. Он гонит прочь мысли о умершей жене. Если он хочет, чтобы его брак с Морганой был успешным, память о Кэтрин нужно отпустить.

Чтобы приручить эту маленькую бестию, танцующую босиком под лучами рассветного солнца, придется постараться.

Кай поспешно умывается, одевается и спускается вниз. Миссис Джонс позаботилась, чтобы в кладовой было много съестного. Разведя огонь в печи, Кай ставит чайник на плитку. Достает пару яиц и нарезает толстыми ломтиками бекон. Начинает готовить завтрак. Кай отрезает пару кусков твердого хлеба и кладет на стол разделочную доску. Жизнь в одиночку и желание миссис Джонс не дать ему умереть с голоду сделали из Кая вполне сносного хозяина. Скоро начинает свистеть чайник, и по кухне разносится аромат жареного бекона. Забыв надеть перчатку, Кай хватается чайник голыми руками и обжигает ладонь. Чертыхаясь и размахивая рукой, он мчится к ведру с водой, стоящему рядом со шкафом, и опускает в него ладонь. Все еще чертыхаясь, Кай поднимает голову и видит в дверях Моргану — она наблюдает за происходящим с плохо скрываемым интересом.

— Я тут завтрак готовлю, — зачем-то говорит Кай то, что и так понятно. Корги врываются в кухню, чтобы поздороваться с хозяином, подпрыгивая и пару раз чуть не сбив его с ног.

— Мэг, ну хватит! Брэйкен, фу, брысь!

Корги пользуются тем, что в таком положении Кай гораздо ближе к полу, чем обычно, они упорно пытаются залезть к нему на колени и облизать лицо. В конечном итоге Кай падает на пол.

— Дурные существа! — ругает он их, но не может не расхохотаться. Моргана подходит к нему ближе, и Кай видит, что она тоже смеется. Ее обнаженные плечи тихо подпрыгивают от смеха, а лицо пылает румянцем. К удивлению Кая, Моргана протягивает ему руку. Он хватается ее и встает на ноги, стряхивая с себя собачек. Моргана берет его обожженную ладонь.

— Ничего, ничего, — говорит он. — Сам виноват! Теперь этот шрам будет напоминать мне о собственной глупости.

Но Кай не хочет казаться жене глупым и поэтому высвобождает руку, махнув в сторону стола.

— Садись. Завтрак уже готов, — произносит он, вернувшись к бекону с яйцами.

Кай садится напротив Морганы и наливает ей чаю. Его новая жена ест с плохо скрываемым аппетитом. Она съедает каждый кусочек на тарелке, вычистив ее ломтем хлеба. Каю кажется, что Моргана вот-вот вылижет тарелку, но, к счастью, этого не происходит. Доев, девушка откидывается на спинку стула и вытирает рот тыльной стороной ладони. Кай улыбается, качая головой. С распущенными волосами, перепутавшимися между собой, разгоряченная от смеха и игр на свежем воздухе, с жиром на щеке и удовольствием от только что съеденной пищи в глазах, Моргана выглядит такой дикаркой, какую только можно себе представить. Он никогда не видел ни одну женщину в подобном состоянии.

— Ну-с, моя дикарка, что же нам с тобой делать? — улыбается Кай.

Моргана широко улыбается и, пожав плечами, дает понять — ей совершенно безразлично, что кто-нибудь там о ней подумает.

— Я собираюсь сходить проведать лошадок. Хочешь со мной?

Моргана энергично кивает, вскочив с места.

— Ох! Сначала допей чай, — хихикает Кай. А затем добавляет: — Неплохо бы тебе одеться. Ты же не хочешь испугать лошадей?

Моргана смотрит на сорочку, словно все это время не замечала, что не одета. Пристыженная, она краснеет.

Неловкий момент прерывает стук в дверь. Кай хмурится, вставая со стула.

— Кто бы это мог явиться в столь ранний час? — спрашивает он.

Кай утверждает, что не любит развлечения, и все же к нему все время кто-то навещается. Гость входит в кухню вместе с женщиной высокого роста, одетой в дорогую амазонку и шляпу с вуалью. Наряд шит из роскошного бархата цвета красного вина, удивительно прекрасно переливающегося в лучах света. Гостя — сама элегантность и изящество, поэтому мне тут же становится не по себе. А ведь еще каких-то пару мгновений назад я чувствовала себя такой счастливой, наслаждаясь приготовленным мужем вкуснейшим завтраком на своей новой кухне! И вот теперь стою перед этой гордой, царственной особой и чувствую себя как нашкодивший ребенок. Зачем Кай привел ее сюда? Надо было принять мадам в гостиной!

— Моргана, это моя хорошая подруга, миссис Изольда Боуэн из Трегарона. Изольда, это Моргана, — говорит Кай.

Моргана — и все? Не *моя жена*, или *новая миссис Дженкинс*. Кажется, из-за нее меня слегка понизили в должности. Что это за человек такой, эта миссис Боуэн? Почему имела наглость прийти во время завтрака?

— Я очень рада знакомству, Моргана.

Изольда подходит ко мне, протягивая руку в перчатке, которую я должна пожать.

— Пожалуйста, называй меня просто — Изольда, — просит она.

Кай бормочет, что я немая. Некоторые слова получаются такими неразборчивыми, что я вообще не соображаю, зачем он их говорит. Изольда все еще держит меня за руку и теперь сжимает ее крепче, как бы свидетельствуя о своей симпатии или о том, что понимает, о чем Кай бубнит, я полагаю. Я нахожу ее прикосновение неприятным и рада, что Изольда надела перчатки. Есть что-то в этой прекрасной, уверенной в себе женщине, что мне совсем не нравится. Внутри Изольды таится что-то темное, несмотря на ее весьма приятный внешний вид.

— Мы были очень рады услышать, что Кай снова женился, — говорит она, наконец отпустив мою ладонь. Я провожу рукой по подолу сорочки. Кай замечает это и хмурится. — Мы с вашим мужем пережили тяжкую потерю — оба наших любимых скончались, — продолжает она. — Конечно, мой муж ушел из жизни много лет назад, но до сих пор мне думается, что именно я смогла понять и утешить Кая после его горькой утраты.

Они обмениваются едва заметными улыбками. Заговорщическими. Ничего не понимаю. Почему Кай не женился на своей хорошей подруге? Они ведь явно близки. И очевидно, Изольда души в нем не чаёт. Почему же тогда Кай не сделал ее новой хозяйкой Финнон-Лас?

— *Ой*, где мои манеры? — вдруг восклицает Кай, внезапно опомнившись, и предлагает Изольде стул. Она садится, изящно устроившись на деревянном сиденье и положив на стол хлыст.

— Может быть, ты хочешь чаю? — спрашивает Кай.

— В самый раз, — говорит Изольда.

Кай смотрит на меня. Я смотрю на него. Сажусь за стол и откидываюсь на стуле. Изольда ведь *его* хорошая подруга. Вот пусть *он* и приносит ей чай. Но Кай на редкость неуклюж. Обожженная ладонь все еще болит, и он пытается прикрыть ее. Что ж, сам виноват. Прими он ее в гостиной, тогда я могла бы подать ей чай. Изольда не смотрит на Кая, она не сводит глаз с меня. Ее взгляд тревожен. Неужели он когда-нибудь находил утешение в ее

компании? У меня мурашки бегут по коже. Этой женщине доверять точно не следует.

— Моргана! — Как же мне не нравится слышать свое имя из ее уст. — Не подумайте, будто я привыкла ходить в гости в такой час. Просто я рано проснулась. Такое прекрасное утро, и я решила насладиться им в полной мере — взяла Ангела и поехала по окрестностям. Я привязала его у крыльца, в теньке. Думаю, он не против немного отдохнуть. А вы любите ездить верхом? — спрашивает Изольда.

Я собираюсь покачать головой, просто чтобы остановить разговор. Чтобы не быть ни в чем согласной с этой женщиной. Но Кай знает правду, и он смотрит на меня. Я киваю, но без энтузиазма. Однако Изольда решает, что между нами достаточно общего. И продолжает:

— Тогда, я надеюсь, вы позволите мне отвести вас на прогулку в ближайшее время. У меня есть замечательная лошадка, которая, уверена, вам очень понравится. Кай, ты же не против, если мы с твоей женой?..

— Конечно, — говорит Кай, поставив перед нами чайник: — Какое замечательное предложение. Не правда ли, Моргана?

Кивок может быть удивительно красноречивым. Презрение в моем ответе не остается незамеченным ни для Кая, ни для Изольды. Кай стискивает зубы, и его взгляд становится злее. Почему ему так важно ей угодить? Со сколькими еще людьми я должна выпить чаю, пока меня разглядывают, словно диковинку в цирке-шапито? Он что, женился на мне, чтобы обеспечить драгоценным соседям тему для сплетен? От одной этой мысли я немею. Чувствую себя загнанной в ловушку.

В моей голове раздается знакомый звон. Внутри воет зимний ветер. Я знаю, Кай говорит со мной, произносит мое имя, и его голос звучит как-то рассеянно, однако все это от меня так далеко. Я хочу закрыть глаза, унести в другое место, сбежать отсюда. Но тут прикосновение к моей руке возвращает меня обратно. Я с некоторым усилием возвращаюсь к реальности и вижу, как Изольда накрывает своей рукой мою ладонь. Она сняла перчатки. Неожиданное прикосновение ее пальцев обжигает руку и проникает глубоко в мое затуманенное сознание.

— Моргана? — произносит Изольда с приторно-сладким беспокойством. — С вами все в порядке, дитя мое?

Я вырываю руку. В комнату влетает огромная жирная муха. Садится на стол между нами. Я нахмуриваюсь, глядя на то, как она тербит свои блестящие лапки. И вдруг, совершенно неожиданно, муха взлетает и повисает между мной и Изольдой. Гостья смотрит на меня пристально, наклонив голову, с выражением в глазах, которое я могу расценить лишь как жалость. Но мне не нужно ее снисхождение! Муха внезапно подлетает к ней, жужжа и явно нацелившись на ее лицо. Не проявив никаких эмоций, та мгновенно прихлопывает насекомое. По крайней мере, так кажется Каю. У меня, однако, угол обзора более широкий, и я вижу, как Изольда сжимает бедную муху между пальцев и сдавливает ее тонкое тельце так, что жизнь покидает несчастное существо. При этом ни разу Изольда не отводит от меня своего холодного взгляда.

Я вскакиваю со стула, и он с грохотом падает на каменный пол. Остановившись лишь для того, чтобы окинуть злым взглядом эту ведьму, я убегаю из кухни в спальню, слыша, как Кай раздраженно кричит мне вслед.

Проходит почти час, прежде чем с треском открывается входная дверь, и Кай с Изольдой прощаются у ворот сада. Женщина садится в повозку и уезжает. Через несколько мгновений я слышу на лестнице шаги. Я поворачиваюсь к двери, ожидая, что сейчас меня будут распекать.

Но Кай не входит в комнату. Даже не стучится в дверь. А говорит через нее. Прямо и безо всякого выражения:

— Я пойду проведу лошадей. Миссис Джонс сегодня не придет. В кладовке есть овощи, поэтому сварю обед. Я вернусь в полдень.

Сказав все это, Кай уходит, и корги с лаем бросаются за ним. Я иду к окну, надеясь увидеть, как он пересекает лужайку, но его нет. Вскоре Кай появляется возле дома на лошадке каштанового цвета, которая неуклюже взбирается на холм. Я наблюдаю за ними, пока они не исчезают вдаль. Конечно, дождется он у меня обеда! Я хожу по комнате, ступнями ощущая гладкий деревянный пол. Кай знает, что я хочу увидеть его лошадей. Он пригласил меня пойти с ним. И теперь я осталась дома, и все из-за какой-то его *хорошей подруги*. Все, не буду выходить из комнаты до вечера. Пусть он сам себе готовит! А я буду читать папины книжки. Время пробежит незаметно, и я забуду, как несправедливо Кай со мной поступил.

Но день так прекрасен, и поэтому я не хочу просидеть его дома. Неужели я действительно вела себя так плохо? Почему Кай не видит в этой женщине то, что она собой на самом деле представляет? Она смотрела на меня... как будто я не заслуживаю ничего, кроме жалости. Как будто я лишь пустышка. Изольда думает, я не гожусь на роль хозяйки Финнон-Лас. Что ж, я докажу — она ошибается. Они все ошибаются!

Я надеваю обычное коричневое платье и сапожки. Подошва у них настолько тонкая, что я ощущаю каждый камешек под ногами. На верхней ступеньке лестницы я замираю, положив руку на перила. И снова чувствую холод, исходящий из комнаты Кая. Это не сквозняк, но воздух, кажется, плывет ко мне, и я чувствую ледяное прикосновение к своим плечам. Я оборачиваюсь, но ничего не вижу. Ругая себя за чрезмерную мнительность, я спускаюсь на кухню. Огонь в камине почти погас. В ведре рядом с ним есть немного угля. Я выбрасываю остатки угля в камин, и тот выплевывает дурно пахнущее облачко дыма и немного тепла. Ничего, огонь еще разгорится. Я отправляюсь в кладовую, где вижу множество банок с огурцами и консервированными фруктами, мешки муки и окорока, свисающие с крючков у меня над головой. Думается мне, миссис Джонс никого и никогда не оставит в этом доме голодным. Я собираюсь сварить традиционный суп. То самое блюдо, что готовят хозяйки у меня на родине. От одной мысли об этом я словно оказываюсь дома. Не хватает лишь мяса ягненка, которое мама добавляла в суп, но даже без него у меня все получится. Подумав о ней и приготовленной ею еде и о моем доме, я чувствую, как мое сердце сжимается от боли. Интересно, что мамочка сейчас делает? Как она поживает без меня? Как бы она справилась с таким домом? Знает ли она, насколько поместье огромное? Вот уж не уверена, ведь, конечно, мама никогда и подумать не могла, что я стану женой джентльмена, у которого есть собственная домоправительница. Правда, она еще и кухарка. Я знаю, мама бы долго смеялась, увидев меня здесь, в этом чулане, собирающуюся приготовить обед. Мысль о том, как мама смеется, провоцирует еще один острый приступ ностальгии. Мама всегда говорила: хозяйка из меня вряд ли получится. Но теперь я замужем. И у меня свой дом. Так что буду готовить, коли уж собралась.

Я собираю овощи в охапку и отношу их на стол. Дым от свежего угля почти рассеялся, и теперь в камине пылают языки пламени. Я снимаю чайник с крючка и ищу подходящую кастрюлю. Нахожу чугунок, тяжелый даже в пустом состоянии, но он согрится. Наполовину залив его водой из ведра, я подвешиваю чугунок над огнем. После недолгих поисков я достаю старый, но острый нож и принимаюсь за обед. Мне кажется, овощи не предназначены для

того, чтобы их есть. Они все в земле, с жесткой кожицей, усыпанной «глазками», и имеют причудливые формы, не подвластные лезвию моего ножа. Не успев закончить попытку с чисткой овощей даже наполовину, я делаю неловкое движение, и нож, соскользнув с кривоватой морковки, вонзается мне в палец. Охнув, я подношу палец ко рту, и от металлического привкуса крови желудок сводит судорогой. Хватит! И само сварится! Я собираю плохо подготовленные к тому, чтобы стать супом, ингредиенты и сваливаю их в чугунок. Оттуда выплескивается вода, с шипением пролившись по горячим углям. Получившаяся серая масса явно не похожа на тот суп, приготовить который я собиралась. Нахожу длинную деревянную ложку и осторожно тыкаю в сотворенное мною варево. Жар от углей под чугуном и поднимающийся от «супа» пар обжигают мою руку так, что я роняю ложку. Отойдя на безопасное расстояние, я, нахмутив брови, рассматриваю свою стряпню. Я прищуриваюсь, делаю глубокий вдох и призываю на помощь ведомые только мне силы. Ложка вдруг встает вертикально, а затем начинает помешивать суп. Она размешивает и размешивает, ритмично превращая набор из кусочков овощей во что-то, что может, если повезет, стать вполне съедобным. Когда я заканчиваю, то киваю в сторону стола, и деревянная ложка послушно вылетает из чугунка и приземляется рядом с разделочной доской. Я нахожу подходящую крышку и накрываю ей чугунок. Слышится весьма приятный булькающий звук. Не вижу смысла в том, чтобы сидеть и присматривать за супом, да и к тому же в кухне уже так жарко, что просто невозможно находиться. Я отправляюсь на улицу.

Я окидываю взглядом окрестности в поисках Кая или хотя бы рыжего комочка шерсти, который мог бы оказаться одним из корги. Ничего. Потом подхожу к задней части дома, собираясь исследовать амбар и конюшню. Они построены из того же холодного камня, что и поместье, с такой же наклонной крышей, способной выдержать обильные дожди местной зимы. Я стою у высокого сеновала, когда вдруг слышу звук бегущей воды. Слева от двора я вижу источник, струи которого бьют в небольшой пруд. На берегу этого пруда высится каменная стенка, в которую врезан желоб — поилка для скота. А рядом с этим прудом я вижу еще один, поглубже, отделенный еще одной стенкой. Пруд сделан таким образом, чтобы животные не смогли до него добраться. Он уходит дальше, накрытый каменной кладкой, напоминающей вход в пещеру. Среди плит и камней я вижу удивительно мягкий и яркий мох, тут и там пробиваются листья папоротника. Фонтан воды бьет каскадом, сливаясь в пруд. Именно сочетание глубины пруда, оттенка воды, цвета камней и чего-то еще волшебного и окрашивает источник в такой потрясающе красивый оттенок синего. Ах! Мне вдруг приходит в голову, что, наверное, это место и дало название поместью, ведь «Финнон-Лас» на валийском означает «синий источник». Я не вижу, чтобы из пруда выходил какой-либо желоб, и, судя по всему, вода отсюда стекает под землю, попадая в нижний пруд. Наклонившись вперед, я окунаю ладони в воду. Вода студеная, прямо из самого сердца холма, не успевшая согреться на летнем воздухе, под солнечными лучами. Она очень приятна на вкус. Немного отдает торфом, но освежает. Я смотрю вверх на свод и вижу широкий, плоский кусок кладки, на котором что-то вырезано. Надпись выглядит старой, но пару букв все-таки можно разглядеть. Есть что-то в этом источнике, что-то еще, помимо свежести родниковой воды и восхитительной зелени растительности. Я чувствую, нет, не просто чувствую, я могу поклясться, что *слышу* нечто еще. Словно вода в источнике поет мне высокими, чистыми нотами, звенящими посреди этого теплого дня, и звук этот приятно отдается у меня в голове.

Я погружаю руки в пруд, и холодная вода останавливает жжение в ранке. На мгновение я

вижу, как с моего пальца соскальзывает крошечная капелька крови, кружится в завихрениях воды, а затем исчезает. И холодные струи источника заживляют мою рану. Достав ладонь из воды, я едва замечаю след от пореза. Словно его никогда и не было.

Каю не нужно было даже доставать из кармана жилета отцовские часы, чтобы понять: уже за полдень. Лошади ушли гораздо выше, чем он рассчитывал, и найти их заняло чуть больше времени. Табун оказался в прекрасном состоянии — шерсть лоснилась, жеребята играли друг с другом. Они быстро росли. В ту минуту, когда Кай их увидел, он пожалел, что не взял с собой Моргану.

Он уверен: эти маленькие дикие лошадки ей очень понравятся. Кликнув свою старую лошадку и забравшись на нее, Кай чувствует, что, возможно, был к жене слишком суров. Он не может понять, почему Моргана так отреагировала на приезд Изольды, но, в конце концов, это далеко не единственное, чего он не может понять. Может быть, ей было неудобно предстать перед гостьей в ночной рубашке. Хотя, как ему показалось, выглядела супруга замечательно. Может быть, просто не выспалась — в конце концов, это ее первая ночь в Финнон-Лас, и она рано встала, чтобы выйти на луг. Подходя ближе к поместью, Кай решает быть с ней более терпеливым. Потому что, видимо, девушка скучает по матери. Со временем она смягчится и пообвыкнет в поместье. По крайней мере, в это нужно верить.

Спешившись, Кай снимает с Ханни седло и уздечку. Лошадь радостно щиплет травку. Кай вешает седло на крючок. В конюшне есть все, что нужно: и седла с уздечками, и соха, и борона — все это убрано в специальные ящики, чтобы голодные мышки не сгрызли. Кай открывает деревянные ворота, выходящие на небольшое поле, и говорит лошади:

— Ну, иди, дорогая.

Ханни неспешно идет, лениво отгоняя хвостом мух, слетевшихся на запах пота. Кай ласково похлопывает кобылу по спинке. Она самая некрасивая из всех лошадей, которые у него когда-либо были, но Кай ценит ее за покладистый характер и выносливость. Только вот вряд ли Ханни выдержит длительный переезд. Скоро ему нужно будет найти другую лошадь, чтобы перенести трехнедельный перегон. Окликнув собак, отдыхающих в тени у источника, Кай возвращается в поместье. Открыв заднюю дверь, он с надеждой вдыхает аромат, втайне рассчитывая, что обед уже готов. Но вдруг ветерок приносит такой жуткий запах горелой пищи, что к горлу Кая подступает тошнота.

— Моргана? — кричит он с беспокойством в голосе. Кухня вся в дыму от печки, огонь в которой давно погас под потоками воды из чугунка.

— Какого черта?

Кай поспешно хватается за ухват и осторожно снимает чугунок с крючка, поставив его на плитку. Корги, следующие за хозяином по пятам, устремляются наружу, не в силах дышать дымом. С чугунка срывается крышка, и кипящее варево опрокидывается на угли, превратившись в бесформенную горелую кашу. Внутри чугунка виднеются остатки того, что когда-то было морковью, пастернаком, картофелем и луком-пореем, хотя Кай с трудом может что-то увидеть в этой мешанине.

— Моргана! — кричит он. На сей раз его голос громче скорее от гнева, а не от беспокойства. Оглядев кухню, Кай понимает: его супруга, куда бы она сейчас ни запропастилась, не только обед без присмотра оставила, но даже не соизволила убрать со стола после завтрака. Хлеб, молоко и чашки с чаем покрылись слоем копоти от едкого дыма.

— Моргана! — орет Кай. Он мчится вверх по лестнице, со всей силы распахивает дверь

в комнату жены. То, что там ее нет, его не слишком удивляет, потому что Кай довольно скоро понимает, что Моргана — не домосед. Он собирается уже отправиться на поиски, как вдруг видит сундук с ее книгами. Крышка снята, и, хотя девушка еще не успела достать книги, кажется, она что-то здесь искала. Каю становится любопытно, и он подходит к сундуку, чтобы взглянуть поближе. Первая книга, которую он видит, — это «Путь паломника» на английском языке. Несколько страниц в ней с загнутыми уголками, что свидетельствует скорее о любви хозяина к этой книге, а не о его небрежном к ней отношении. Никакой плесени или изъеденных короедом обложек. Кай открывает книгу и видит написанное замысловатым почерком имя: *Сайлас Морган Притчард*. Далее следует дата: *1821 год*. В следующей книге Кай видит то же самое. И в еще одной. Судя по всему, все эти вещи когда-то принадлежали отцу Морганы, в честь которого, представляется Каю, она и получила свое имя. Получается, и любовь к чтению привил ей именно отец. Этот загадочный человек, о котором Мэйр не сказала ничего, кроме того, что дочь его боготворила и что однажды, когда она была совсем маленькой, он просто исчез. Кай вдруг понимает — и мысль эта теперь ему столь очевидна, что он поражен своей несообразительностью: Моргана перестала говорить, когда была маленьким ребенком, и тот момент, когда ее голос умолк, совпал с моментом, когда ее отец навсегда исчез из ее жизни.

Кай садится на корточки и пытается представить, как ей должно было быть больно. Он вспоминает свое горе после смерти Кэтрин. Единственное, чего ему тогда хотелось — это последовать за ней. Собственно, разве молчание, которое Моргана выбрала из всего того, что могла, будучи ребенком, не было своего рода стремлением последовать за отцом?

Дверца шкафа открыта, и внутри видно несколько платьев. Поднявшись, Кай наклоняется, чтобы рассмотреть их поближе. Он видит платье из темно-синего хлопка, явно для парадных случаев, наверное, для похода в церковь. Оно удивительно простое — такой крой давно уже вышел из моды, тут и там видны заплатки. Пара комбинаций, передник, легкое пальтишко — все примерно в таком же состоянии. Каю становится жалко Моргану. Девушка оказалась в большом доме, замужем за незнакомым мужчиной, с кучей злых людей, приезжающих поглазеть на нее, а у нее нет ни одного приличного платья. Не удивительно, что она хочет поскорее скрыться от назойливых взглядов.

Кай не слышит, как Моргана подходит к дверям, а скорее чувствует ее, и внезапность появления жены пугает его настолько сильно, что он подпрыгивает. Понимая, как все это со стороны выглядит, Кай предусмотрительно отходит в сторону от шкафа. Наверняка она уже подумала, что он без спроса изучал ее нижнее белье. Из-за смущения речь Кая звучит куда резче, чем ему хотелось бы:

— Ты оставила суп без присмотра. Глупо. Я прихожу домой, а из кухни валит дым.

Моргана не выглядит мучающейся угрызениями совести, и Кай добавляет:

— Ты могла спалить весь дом!

Моргана опускает взгляд. И видит, что Кай трогал ее книги. Теперь она уже не тихо терпит оскорбления, а начинает обороняться. Она бросается к деревянной коробке, упав на колени. Хватает книги, пряча их в сундук в том порядке, в котором они там лежали, и захлопывает крышку. Вскрикивает на ноги, пытаясь защитить свое единственное сокровище, сжав руки в кулаки и побагровев от злости.

Кая пугает, как болезненно Моргана реагирует.

— Я не трогал их, — говорит он. — Я вижу, эти книги принадлежали твоему отцу...

Но закончить свою мысль он не успевает. Моргана несется в его сторону, ее

распущенные волосы похожи на клубок змей. Инстинктивно Кай поднимает руки, но удара не следует. Моргана просто толкает его, крепко, обеими руками, так, что Кай пятится из комнаты, еле сохраняя равновесие. В тот момент, когда он оказывается за порогом, она захлопывает за ним дверь. Все пять картин, висящих на стене, с грохотом падают на пол, и Каю кажется, будто стекла на них разбиваются еще до того, как они долетают до пола, как если бы они взорвались изнутри. Он замирает неподвижно, а его сердце бешено колотится в груди. Только тогда, когда Кай понимает, что приступ гнева прошел, он разворачивается и спускается по лестнице в кухню.

Как он посмел дотронуться до моих книг! Рыться в моих вещах, как будто они принадлежат не мне, а ему. Хотя... Вообще-то, принадлежат. Как я сама теперь ему принадлежу. И что же, мне больше нельзя иметь ничего своего? Я поднимаю крышку сундука еще раз, только чтобы успокоить себя, что он ничего не взял. Нет, все книги на месте. Кай листал *«Путь паломника»*. Интересно, читал ли он когда-нибудь эту книгу? И интересуется ли его вообще история? До сих пор я не заметила у него в доме ни одной книги. Возможно, он держит их у себя. В комнате, в которую, нет сомнений, он ждет, что я когда-нибудь переселюсь. Да и какие книги стал бы читать такой, как Кай?

Папа выбрал эти книги. Каждая из них для него что-то значила; он никогда не брал книгу просто так. У него были свои любимые. Вот эту, с тонкой красной кожаной обложкой, он перечитывал почти всегда — *«Сказки тысячи и одной ночи»*. Как же отец любил эту книгу! И как же я любила слушать, как папа читал ее или пересказывал — он прекрасно помнил все, что в ней было написано. Обложка кажется такой теплой, словно папа только что держал ее в руках. Когда я провожу большим пальцем по названию, оно само читает мне себя, врезаясь в кожу, хотя буквы давно уже стерлись. Меня одолевает страшная тоска, как это часто бывает, когда я снова ощущаю боль папиного ухода. Когда я вспоминаю: какой-то день он еще был со мной, а на следующий нет. И как, когда папа ушел, он забрал с собой мой дар говорить.

Вдруг я испытываю жуткую усталость. Долгая поездка, вся эта печаль и ностальгия, этот странный дом, незнакомые люди, жара... все это для меня слишком, поэтому все, что я хочу — это погрузиться в сон. И все же, боюсь, я до сих пор не в состоянии уснуть. Может быть, обняв папину книгу, прижав ее к сердцу, я смогу ощутить тепло его присутствия? Я, пожалуй, устроюсь здесь на ковре, в луче солнечного света, от которого его шерсть кажется более яркой. Закрою глаза и пожелаю оказаться там, где мой дорогой папочка. Но он очень далеко. Я пыталась найти его много раз, но папа исчез. И все, что я могу — это лишь предаваться воспоминаниям. Перелистывать эти размытые картинки и вспоминать о проведенных рядом с ним минутах. Вспоминать те драгоценные моменты, что моя память сохранила, как сокровищница хранит древний клад. Моменты, когда он был рядом. Я закрываю уши руками, чтобы не слышать, как где-то на улице отчаянно кричит кукушка. Я сворачиваюсь в клубок, обняв книгу и пряча лицо в ее сухих, хрупких страницах, чтобы не чувствовать горький аромат сожженных овощей и угля, поднимающийся вверх по лестнице. Я плотно закрываю глаза, позволив лишь солнцу танцевать на моих веках. Медленно передо мной появляются изображения. Ночь, тихая и теплая. Костер, разведенный в дальнем конце сада. И наконец, папа около этого огня, его лицо ярко освещено пламенем. Он всегда предпочитал проводить время на улице, к маминому неудовольствию. До тех пор, пока позволяла погода, после ужина папа удалялся в это тихое местечко, собирал хворост и разводил костер. И сидел около него, держа в руке глиняную трубку и отдыхая. Я подходила и просила, чтобы он рассказал мне что-нибудь, и, немного посопротивлявшись для виду, папа соглашался. Он посасывал свою трубку и, подняв глаза к небу, словно ожидал ответа от Господа, какую историю поведать. И наконец начинал рассказ. О, рассказчиком папа был превосходным! Мой юный ум, гибкий, будто ива, внимательно следил за всеми поворотами сюжета, и перед моими глазами появлялись ярчайшие образы — воющие волки или поющие

феи. Я была очарована. В самом деле, большинство папиных любимых сказок всегда были о чем-то волшебном. А к магии, как говорил мне папа, нужно относиться со всей серьезностью.

— Путешественники знают толк в колдовстве и чудесах, — прибавлял он. — Я не говорю, будто все они колдуны и тому подобное, но они понимают, что становятся свидетелями чего-то волшебного. Твои предки-цыгане обошли весь земной шар, Моргана, и в своих путешествиях встречали немало чудесных вещей и необычных существ. Так они получали свои знания: из далеких стран, странных обычаев и от таинственных незнакомцев. Я тоже раньше проводил все время в путешествиях, это было мое естественное состояние, пока твоя мама не поймала меня в сети.

Отец засмеялся и продолжил:

— Она хорошая женщина, твоя мать, но другая.

Он наклонился вперед, понизив голос.

— В тебе течет кровь волшебника, Моргана. Я это точно знаю. Не бойся ее, как некоторые. Это подарок с небес, хотя будут дни, когда он покажется тебе тяжким бременем.

Папа посасывал потухшую трубку. Он подносил ее к огню и снова зажигал. На какое-то мгновение папу окутывал дым, струйки которого, завиваясь, показывались из его носа. Мне было семь, и я считала папу драконом.

— Если ты не сможешь путешествовать, — сказал он, — то хотя бы постарайся как можно больше читать. Читай все, девочка моя. И храни все знания, потому что никогда не знаешь, когда они тебе пригодятся.

Отец сделал паузу и сел прямо, задумчиво глядя на меня. Я на протяжении многих лет пыталась понять, что скрыто за этим выражением.

— Каждый должен пройти свой путь, Моргана. Жизнь такова — она увлечет тебя то туда, то сюда.

Папа снова выпустил дым, откинувшись назад, так, что на него почти не попадал свет от костра, и в этом дыму он казался мне неясным видением. Единственное, что я ощущала, — его голос.

— Ты должна пройти свой путь, — повторил папа.

На следующее утро он исчез, и я никогда его больше не видела.

Воспоминания убаюкивают меня, а когда я просыпаюсь, то понимаю: прошло уже несколько часов, комната погружена в темноту, и лишь крошечная свечка мерцает на подоконнике. Я с удивлением обнаруживаю, что кто-то снял с кровати лоскутное одеяло и бережно меня накрыл. Судя по всему, этим кем-то был Кай. Должно быть, пришел поговорить, но увидел, что я сплю, и решил укрыть меня, чтобы не замерзла. Человек-загадка. А я уж думала, он придет среди ночи, чтобы потребовать ужин. Я встаю и выглядываю из окна. Ночь светлая, видны звезды, ярко светит луна. Мне трудно понять, который час, но в доме тихо, как будто не сплю одна я.

Я беру свечу и осторожно открываю дверь. И снова, проходя мимо спальни Кая, чувствую что-то неладное. Как будто кто-то за мной наблюдает. Я натягиваю шаль на плечи и спускаюсь вниз. Я уже поняла, на какие доски и ступени на лестнице наступать не надо, так что на кухню я прихожу, не издав ни звука. Огонь в печи почти погас. В воздухе все еще висит запах дыма, но неприятных свидетельств моего дневного фиаско с супом, к счастью, не видно. Со стола убрано, на кухне царит порядок. Мне не по душе ссора с Каем. Я рада: доказательств моей неуклюжести больше нет, но мне неловко при мысли о том, что моему

мужу пришлось за мной убирать. Вряд ли ему это понравилось. А теперь я, получается, ему должна. В животе урчит от голода, и я беру из кладовой кусок сыра и ломоть хлеба. Я собираюсь устроиться на подоконнике, как вдруг замечаю Кая, спящего на стуле по другую сторону стола. И как я его только не разбудила своими передвижениями. Интересно, как часто он тут ночует? Я помню, когда папа исчез, мама спала в кресле рядом с камином. Говорила, что переутомилась и задремала. А потом призналась, что ей слишком одиноко в холодной постели. Неужели Кай все еще скучает по умершей жене? Могу ли я сравниться с ее призраком?

Я замечаю у его ног корги. Брэйкен открывает один глаз, узнает меня, безусловно, больше по запаху, чем зрительно, слегка виляет хвостом и продолжает дремать.

Тише, малыш. Не буди своего хозяина.

Кай крепко спит. Я так близко, что могу протянуть руку и прикоснуться к нему. Он выглядит моложе. В состоянии покоя он не кажется таким суровым, как обычно, когда я его вижу. Или, по крайней мере, когда ловлю его взгляд. Неужели он думает, что от меня одни проблемы? На Кае красивая рубашка без воротника, поверх которой надет шерстяной жилет. На нем брелок и золотые часы с цепью. Кай любит выглядеть... респектабельно. Даже у себя дома, присматривая за скотом, он следит за собой. Не то что другие погонщики, с их длинными пальто и отсутствием манер. Когда мы познакомились на рынке в Крикхоуэлле, он поступил как джентльмен, хотя был не обязан. Мы с мамой продавали на рынке сыр, когда могли, и покупали по дешевке молоко с молочной фермы Спенсера Блэнкума, где работали. Торговля всегда шла хорошо, когда погонщики ехали через рынок. И вот там-то Кай впервые меня увидел. Вряд ли он подумал, что я что-то из себя представляю. Девушка, продающая сыр на самом мелком рынке во всем графстве. Кай пришел посмотреть мой товар вечером, когда только приехал, а потом вернулся утром, до того как ему пора было уезжать. Потом заехал на обратном пути, когда уже выполнил большую часть своих поручений. Год-полтора прошло в этих разъездах. За эти встречи Кай смог убедить себя, что нашел подходящую невесту. А потом уговорил маму, что с ним я буду как за каменной стеной. Ох, сколько же сыра ему пришлось купить! Возможно, только этот сыр и заставил его поверить, будто я способна готовить. Помнится мне, Кай сделал все возможное, чтобы выглядеть человеком благовоспитанным и надежным.

Только посмотрите на него. Слишком длинные ресницы для мужчины. Кожа загорела от жизни на открытом воздухе, но не покрылась морщинами. Волосы выгорели на летнем солнце. Разница в возрасте между нами несколько лет, но я все равно вижу перед собою юношу. Неуверенного в себе. Уязвимого. Ой! Он шевелится. У меня нет ни малейшего желания, чтобы меня обнаружили. Он что-то бормочет, не открывая глаз. Собачки поднимают голову. Я спешу обратно в свою комнату.

Кай с трудом просыпается. Его рука свесилась через подлокотник и онемела от неудобной позы. Брэйкен лижет ему ладонь. Кай делает отчаянную попытку сесть. В шее раздается жуткий хруст. Прежде чем он открывает глаза, в комнате появляется нечто объяснимое. На него опускается тень от стоящей рядом фигуры. Это Моргана? Она снилась ему, теперь он точно вспомнил. Во сне жена была привидением. Наклонилась вперед и коснулась его лица, молча посмотрела на него, улыбаясь. Когда он пытается произнести свое имя, собственный голос, кажется, его не слушается.

— Мистер Дженкинс! — миссис Джонс не то чтобы рада, что Кай провел ночь на кухне. Очередную ночь... — Ох, что же мне с вами делать?

— Ах, миссис Джонс...

Значит, просто сон. Показалось. А реальность предстала перед ним в решительном обличье кухарки.

— Так, значит, вы снова не потрудились добраться до постели. Лишили себя сна без причины.

Миссис Джонс кладет руки на бедра и громко вздыхает, качая головой.

— А что миссис Дженкинс? Вы вообще подумали, каково ей-то было, а?

Кай открывает рот, чтобы ответить, но внезапно стесняется. Он хотел было напомнить, что они с Морганой не спали в одной комнате, так что та, скорее всего, не знает, где он провел ночь. Но так или иначе у Кая нет ни малейшего желания вступать в дискуссию о супружеском долге. Это слишком чувствительная тема, и он еще не придумал, как ему с этим быть. Кай встает на ноги, отпихнув от себя корги.

— Вас подвез Молдуин, да? — спрашивает Кай.

— Как он это делает обычно по утрам.

Миссис Джонс бросает на него взгляд, который говорит: разговор так просто отложить не получится.

— Он трудолюбивый парень, миссис Джонс. Вы его хорошо воспитали.

Кай хватается за кочергу и начинает ковыряться в почти потухшем камине.

— Не сомневаюсь, у вас скоро свои сыновья будут. И даже скорее, чем вы думаете, если, конечно, вы знаете, что делать с новой женой, — произносит ледяным тоном миссис Джонс.

Каю не нравится думать, что именно она подразумевает под «знаете, что делать».

— Вот именно, миссис Джонс, — с новой женой. И ей нужно дать время освоиться в доме, прежде чем... Прежде чем...

Миссис Джонс ждет, вскинув брови.

Кай хватается за ведро.

— Я принесу угля, — говорит он.

— Уголь может подождать.

Миссис Джонс отходит в угол кухни, так что Каю пришлось бы обойти вокруг стол, чтобы выйти из комнаты.

— Я, конечно, не семи пядей во лбу, мистер Дженкинс, но уж кое о чем знаю. Не слишком-то много сыновей были зачаты, пока хозяева спали в кухне, а их жены ворочались одни в постелях.

— Миссис Джонс, помилуйте. Мы женаты пять минут...

— Пять минут, пять лет — велика ли разница?

— Как я уже сказал, Моргане нужно немного времени.

— Вы, наверное, правы, — медленно кивает женщина. — Или, может быть, *вам* нужно немного времени.

— Мне?

Лицо кухарки смягчается. Она опускает руки, теребя фартук.

— Вы уже потеряли одну жену и ребенка, *милый мой*, и редкий мужчина на вашем месте не боялся бы повторения случившегося. По крайней мере, вначале.

Эти слова ставят Кая в тупик. Раньше он даже не подумал бы ни о чем в этом духе, но теперь, услышав подобное из уст миссис Джонс, он задался вопросом, нет ли в этом

рационального зерна. Радость от того, что Кэтрин беременна, и счастливое ожидание малыша, так быстро сменились ужасом после тяжелых родов, в результате которых скончались и Кэтрин, и дитя. Наверное, где-то в глубине души он побаивается, что подобная участь может постигнуть и Моргану. Но пока они спят в разных постелях, пока он дает ей время освоиться в доме, пока они не стали мужем и женой в полном смысле этого слова...

Чувствуя растущую в душе волну отчаяния, Кай хватается за спасительную соломинку — тему, которая могла бы отвлечь миссис Джонс от тяжелого разговора.

— Вчера утром к нам приезжали гости, — говорит он, уверенный, что женщину заинтересует эта информация.

— Неужели? — миссис Джонс собиралась идти в кладовую, но остановилась на полпути.

— Да, рано утром. Мы только встали.

Кай выжидает с мгновение, чтобы миссис Джонс успела переварить сказанное, надеясь, что это «мы» ее успокоит, даст основание надеяться, будто все хорошо. Затем он продолжает:

— Гостья застала нас врасплох, мы едва успели позавтракать.

Кай не видит никакого вреда в том, чтобы слегка дезинформировать миссис Джонс и дать ей понять, что завтрак приготовила Моргана.

— Ох, и кому же понадобилось приезжать в столь ранний час? — спрашивает миссис Джонс.

— Миссис Боуэн. Она приехала верхом — было такое прекрасное утро. Даже предложила отправиться вместе с Морганой кататься на лошадях. Сказала, у нее есть лошадка, которая прекрасно подойдет для прогулки.

Миссис Джонс молчит. Это на нее не очень похоже, и Кай невольно задумывается, уж не заразилась ли она от Морганы немотой.

— Вижу, вам Изольда не по душе? — спрашивает он.

— Что вы, — тут же спешит успокоить миссис Джонс. — Еще как по душе, — продолжает она, но взгляд ее говорит об обратном.

Кай хмурится. Он знает, что они с Изольдой недолюбливают друг друга, но, конечно, миссис Джонс в предложении погулять не должна увидеть ничего, кроме простого проявления доброты. Кай чувствует, как его терпению потихоньку наступает конец. И тут в голову ему приходит еще одна мысль, которой он хочет поделиться.

— Моргана поедет со мной на службу в церковь.

— В Сор-и-Минидд? О, да! Замечательная идея, мистер Дженкинс.

— Я рад, что вы ее одобряете, — говорит Кай, не потрудившись скрыть свой сарказм. — Вот только, знаете ли, она жила тихо, не выходя в свет, так сказать, и ей... нечего надеть, вы понимаете? Так вот, я думал, было бы разумно с моей стороны позволить ей взглянуть на платья Кэтрин — может быть, какое-то из них придется ей по душе. Как вы думаете, понравится ли ей такая мысль?

Кай оборачивается, чтобы снова взглянуть на миссис Джонс, и с удивлением обнаруживает, что ее глаза наполнились слезами. На мгновение Каю кажется: он допустил жуткую оплошность, что-то ляпнул, оскорбил старушку. Но вскоре он понимает — нет, это слезы облегчения.

— О, *милый мой!* Я думаю, ей очень и очень это понравится, — произносит миссис Джонс.

— Так вот. Не могли бы вы ей помочь? Ей явно не мешают ваши советы, — говорит

Кай.

— Нет, нет. Инициатива должна исходить от вас. Я даже и думать об этом не хочу...

— Но вы же женщина, а кто лучше женщины разбирается в подобных вопросах?

Миссис Джонс качает головой.

— Это было бы неправильно. Вы должны помочь ей сами, — настаивает она.

В этот момент собаки вскакивают, приветствуя вошедшую без единого звука Моргану. Кай никогда не видел никого, кто был бы способен появляться так — даже корги, с их огромными ушами, кажется, не слышали ее шагов.

— Доброе утро, миссис Дженкинс. Ох, что же это я — время бежит, а я до сих пор даже чайник не поставила, — говорит миссис Джонс, сосредоточившись на приготовлении завтрака, но перед тем дав знак Каю, что пора действовать.

Он откашливается.

— Моргана, привет. А мы тут с миссис Джонс болтаем. Завтра я собираюсь ехать на службу в церковь и думаю взять тебя с собой. Местные люди любят хорошо приодеться. Не чрезмерно вычурно, конечно, что ты. Нет. Но мне тут пришло в голову: наверху полно красивых платьев. Это платья Кэтрин. И разве такие наряды заслужили того, чтобы повисеть всю жизнь в шкафу?

Миссис Джонс смотрит на него с открытым ртом, держа пустой чайник, застигнутая врасплох тщетностью усилий хозяина. Кай с болью осознает, что разговор не очень-то удался.

— Пожалуйста, пойдем со мной, — говорит он наконец, поспешив к лестнице, и озадаченная Моргана следует за ним. Они поднимаются вверх, и Кай ведет ее в конец коридора. Дверь в комнату, в которую они входят, не заперта, но по спертому воздуху внутри Моргана понимает: сюда заходят не часто. У подножия кровати стоит большой дубовый сундук. Кай поднимает открывающуюся со скрипом крышку. На мгновение он замирает при виде платья с вышитыми незабудками. Оно особенно шло Кэтрин. Собрав волю в кулак, Кай начинает доставать из сундука наряды и класть их на кровать.

— Они в хорошем состоянии. Миссис Джонс присматривала за ними... О, вот это подойдет, тебе не кажется?

Кай берет шелковое платье цвета малины и поворачивается, чтобы взглянуть на реакцию Морганы. Выражение ее лица не так сложно понять — девушка прямо-таки светится счастьем. И она тут же протягивает руку.

— Ну же, — говорит Кай, — примерь его.

Она следует совету и, едва дотронувшись до мерцающего шелка, испускает вздох восхищения. Кай задумывается — значит, Моргана все же способна издавать звуки? Неужели она смогла выдать вздох? Он внимательно наблюдает за ней, зачарованный. Интересно: Кая не волнует, что вещи его возлюбленной Кэтрин в беспорядке раскиданы по кровати. Он находит это... Странно притягательным. Но через пару мгновений Каю становится неловко видеть, как Моргана держит платье его покойной жены. Он встает на ноги и отходит к двери.

— Ну, тогда я оставлю тебя одну, да? Не торопись. Кэтрин была выше тебя, но я уверен, миссис Джонс сможет подшить и укоротить, где нужно.

Моргана все еще держит шелковое платье, словно не хочет его отпускать. Она поворачивается к Каю. Ее глаза широко распахнуты, а улыбка делает черты лица еще прекраснее.

— Ты наденешь его? — спрашивает Кай.

Моргана кивает, на этот раз энергично. Жест ее полон радости. И Кай счастлив. Удивительно, думает он, выходя из комнаты, что счастье снисходит в самый неожиданный момент и в самом неожиданном месте.

Миссис Джонс действительно оказалась искусной швеей, даже более искусной, чем моя мама. Она одобряет выбор платья и помогает мне немного заузить на талии подогнанный по фигуре наряд. Встав передо мной на колени, она проверяет, хорошо ли все сидит.

— О, вот так гораздо лучше. Можно сделать зашпы на рукавах, — говорит миссис Джонс. — Но я думаю, назавтра оно тебе, детка, и в таком виде подойдет. Остальные платья посмотрю потом, когда будет побольше времени.

Она широко улыбается.

— Ты прямо как с картинки сошла, *милая*. — Я благодарна, что она перестала называть меня миссис Дженкинс. — Завтра в часовне ты будешь ослепительна. Вот увидишь, о тебе еще будут шушукаться местные сплетницы!

Платье готово, и я с неохотой переодеваюсь в старую одежду. Признаюсь, я удивлена, насколько сильно мне понравились новые платья. На мгновение, когда Кай только предложил взять что-то из вещей его покойной жены, я растерялась. Что сказала бы Кэтрин? Хотела бы она, чтобы женщина, которая заняла ее место, щеголяла в ее платьях? Но когда Кай достал наряды, чтобы я могла их рассмотреть я прикоснулась к этому прохладному хлопку, шерсти, теплomu и мягкому шелку... Какие же они красивые. И я не почувствовала того странного холодка, который заметила вчера. Что бы ни было его источником, принадлежавшую когда-то миссис Дженкинс одежду оно не затронуло.

Миссис Джонс тяжело спускается по лестнице, пыхтя и с усилием передвигая свои больные ноги. Я следую за ней. На кухонном столе лежит тушка кролика, которого Кай подстрелил утром. Я глажу мех — такой мягкий, что мои пальцы едва ощущают его.

— На ужин будет пирог, — говорит миссис Джонс, повязав поверх передника свеженакрахмаленный фартук. — Мистер Дженкинс обожает пирог с кроликом. А ты любишь?

Я медленно пожимаю плечами, как бы говоря, что никогда его не пробовала. На лице миссис Джонс появляется удивление, а потом жалость.

— *Ох, ох, ох*, — бормочет она. — Мне показать, как его готовить, или ты слишком брезглива?

Миссис Джонс переводит взгляд на мою руку, которая лежит на кроличьей тушке.

В качестве ответа я беру в одну руку кастрюлю, а в другую — кролика, держа его над сковородой. Со стороны дверей раздается громкий смех.

Мы оборачиваемся — в проеме стоит Кай. Кожа вокруг его глаз украшается мимическими морщинками смеха. За счет загара глаза мужа кажутся еще более пронзительными.

— Сначала надо снять шкурку, — говорит он. — А то мех плохо жуется!

И уходит, все еще смеясь.

Миссис Джонс вздыхает и качает головой, забрав у меня тушку, и начинается первое кулинарное занятие.

Я наблюдаю, как миссис Джонс ловко разделявает кролика. Все попытки мамы научить меня готовить заканчивались ничем. Она знала, что я предпочитаю гулять, лазить по холмам или разговаривать с дикими горными пони. Но теперь моя жизнь изменилась, и нужно быть

готовой к тем вещам, которые положены мне по статусу. Выпотрошив кролика, миссис Джонс берет большой нож и одним точным движением отсекает ему голову. Как ни в чем не бывало. Затем она делает аккуратный надрез над каждой лапкой, а потом одним быстрым движением снимает шкурку, словно шубу. Обнаженное тело несчастного существа выглядит не очень аппетитно — слишком похоже на труп, чтобы я могла подумать, что могу это съесть. Я рада, что миссис Джонс быстро режет тушку на куски, так что вскоре мы получаем несколько лоскутов мяса. Кухарка проводит лезвием по суставам, умело находя расстояние между ними и впадинами, и лапки быстро отделяются от туловища. Удалив одну лапку, миссис Джонс протягивает нож мне.

— Теперь ты, — говорит она.

Мои первые попытки успешными не назвать — лезвие, соскользнув, вонзается в деревянную доску под тушкой.

— Не надо его бояться, — смеется кухарка. — Он ведь был совершенно безобидным и вряд ли сейчас устроит драку. Продолжай, милая.

Я делаю еще одну попытку, на этот раз более удачную. Миссис Джонс одобрительно кивает. Она собирает части кролика и опускает их в чугунок, который ставит на плиту. Она протягивает мне луковицу и замечает мои сомнения: она слишком неровная, и я просто не уверена, что смогу ее разрезать. Луковица выпадает у меня из пальцев, и лезвие ножа проходит в миллиметре от кожи.

Вздохнув, миссис Джонс забирает нож.

— Ох, милая, ты придумала самый быстрый способ лишиться пальца. Держи крепче, сначала разрежь луковицу пополам, а затем положи плоской стороной вниз на доску. Видишь? Теперь можешь доделать.

Я делаю так, как она велит, чувствуя ее взгляд.

— Ну, вот и все. Это ведь не так уж сложно?

Пока я режу лук, миссис Джонс не сводит с меня глаз, и у меня такое чувство, словно она пытается разобраться во мне. В конце концов она, кажется, приходит к какому-то выводу.

— Люди поговаривают: немые слушают гораздо внимательнее. Мне кажется, такие, как ты, слышат то, чего не слышит большинство людей, — говорит она.

Я продолжаю резать лук. И уже начинаю чувствовать себя неловко под ее взглядом.

— Это лучшее место для тебя, *дорогая*, — продолжает миссис Джонс. — Прямо тютелька в тютельку. И хотя ты до сих пор чувствуешь себя чужой, все, что тебе нужно, — немного времени. Времени и заботы.

Она издает громкий смешок.

— Ох, мистер Дженкинс, конечно, хорошо о тебе заботится, дитя мое!

Я начинаю краснеть, а мое лицо горит от смущения.

— И нечего тут стесняться. Да я небеса готова благодарить. Было время, когда я думала, что бедный мужчина так никогда и не оправится от своей потери. Но вы, миссис Дженкинс, совершили чудо. Точно говорю.

На следующий день я встаю очень рано, так и не дождавшись рассвета. Поспешно спускаюсь и с полчаса бегаю по росе, прежде чем заставляю себя вернуться в комнату, чтобы подготовиться к поездке в церковь. Миссис Джонс осторожно предположила, что теперь, когда я замужняя женщина, мне нужно следить за прической. Я борюсь с булавками, пытаюсь вспомнить ее советы. То и дело пряди выбиваются из прически — все мои старания тщетны.

Раздраженная собственной неуклюжестью, я закрываю глаза и складываю руки на коленях. Мой разум гораздо более гибок, чем мои руки, и я постепенно ощущаю, как волосы аккуратно складываются в прическу под шляпкой. Я открываю глаза и проверяю результаты, ожидая увидеть в зеркале подобие моей матери. Но, как ни странно, сейчас я куда больше похожа на отца. Я встаю, поправив полы шляпки, и провожу рукой по тонкому хлопку, любясь крошечными незабудками на платье. В школе, как я вспоминаю, мистер Рис-Джонс учил нас, что гордость — это грех. Наверное, тогда я грешна? Потому что довольна тем, как выгляжу? Впервые в своей жизни мне хочется назвать себя... Какой? Красивой? Желанной? Хочу ли я произвести впечатление на публику в часовне или на Кая? По правде говоря, не знаю.

Супруг уже стоит в коридоре и ждет меня. Выглядит он превосходно, хотя можно было бы чуть лучше расчесать запутавшиеся пряди волос, спадающие на воротник из-под лучшей воскресной шляпы. Увидев меня, Кай хмурится, и на мгновение мне кажется, будто мы совершили непоправимую ошибку и ему на самом деле не нравится видеть меня в платье Кэтрин. Но нет, он улыбается и протягивает мне руку.

— Едем на службу, миссис Дженкинс? — спрашивает он, и я киваю.

Шерсть белого жеребца, чье имя теперь я знаю — Принц, выглядит подозрительно блестящей, и мне кажется, что Кай как следует его вымыл. Лошадка прилежно трусит по дороге, и мимо нас проносятся восхитительные пейзажи, пока мы мчимся через долину к часовне. Над нами парит коршун, резко нырнув вниз, чтобы увернуться от пары назойливых ворон. Небо совершенно безоблачное и настолько синее, что я жмурюсь от его яркости. На дорогу уходит около получаса, и большую часть времени Кай рассказывает мне, куда мы едем и кто еще, скорее всего, придет на службу.

— Думаю, народу будет много при такой-то прекрасной погоде. А вот зимой мало кто отваживается на такую поездку, ведь Сор-и-Минидд находится на полпути через гору! Часовню воздвигли всего пару лет назад, но к ней приезжают со всего графства, особенно теперь, когда проповеди читает знаменитый преподобный Кадуаладр. Люди преодолевают огромные расстояния, чтобы его послушать. Наверняка все желающие не поместятся внутри. Кому-то придется стоять на улице.

Кай смотрит на меня пристально.

— Люди захотят взглянуть на новую хозяйку Финнон-Лас, — говорит он. — Но тебе нечего беспокоиться. В основном прихожане довольно обходительны, а те, кто нет... Какое нам с тобой дело до их мнения?

Кай дарит мне ободряющую улыбку, но она меня не успокаивает. Я с горечью думаю, что, какое бы платье ни надела, даже будучи женой Кая Дженкинса, я всегда останусь для них очередной диковинкой. Без сомнения, слухи обо мне уже дошли до жителей близлежащих краев. Кай Дженкинс взял в жены немую. Немая и тупая Моргана — вот что они обо мне подумают. Все люди одинаковы.

Принц фыркает, ускоряя темп, — мы въезжаем на крутой холм. Делаем два поворота и видим впереди белое здание часовни. Краска на ней совсем свежая. Рядом растут две молодые сосны. На кладбище ни одного надгробия. Вблизи от часовни протекает узкий ручей, через который перекинут пешеходный мостик, по которому можно попасть внутрь. Часовня выглядит восхитительно — окруженная холмами, с витражными окнами, переливающимися в солнечном свете. Возле нее уже собралось множество прихожан — кто-то приехал на повозке, кто-то на лошади, а кто-то и вовсе пришел пешком. Внутренности

сводит судорогой от смущения. К моему удивлению, Кай берет мою ладонь в свою.

— Будь смелой, моя дикарка, — говорит он, и внезапно я чувствую себя сильнее. Сильнее благодаря ему. Это открытие меня удивляет, но прежде чем я успеваю толком о нем подумать, мы подъезжаем к часовне. Служка бежит вперед, чтобы привязать нашего коня.

Спрыгнув с повозки, я беру Кая под руку. Вместе мы рассматриваем толпу. Я вижу миссис Кадуаладр и ее дочерей, одетых удивительно аскетично — ни единой ленты на корсажах. Они замечают нас, как и все остальные, желающие познакомиться и пожать мне руку. Я слышу десятки имен, которые тут же забываю, и я благодарна, что мне не нужно ни одно из них запоминать. Так как никто не ждет от меня ответа, я делаю вывод: слухи о моей немоте распространились, но никто об этом не говорит. Кай расценивает это как проявление уважения, и я замечаю — его рука постепенно расслабляется.

Раздается громогласное приветствие, и Кай наклоняется ко мне поближе.

— Смотри. Это преподобный Кадуаладр, — говорит он.

Я вижу полного мужчину с красным лицом, одетого в плотные, согласно традиции, одежды проповедника — длинную черную рубашу и брюки. Белый воротничок, по-видимому, состоит из сплошного крахмала. Преподобный едва ли выше, чем его столь же упитанная жена, но недостаток в росте он компенсирует звучностью своего голоса. Я нахожусь от него на довольно большом расстоянии, но, как и все остальные, отчетливо слышу каждое слово, которое он произносит. Наверное, Кадуаладр думает, что иначе Бог не услышит его? Он ищет в толпе незнакомые лица и тут замечает меня.

— Ах-ха! — кричит он, в результате чего пожилая дама, стоящая рядом с ним, отступает назад. — Кай Дженкинс и его жена. Добро пожаловать! Добро пожаловать, дитя мое. Ну же, дайте взглянуть на вас.

Преподобный протягивает ко мне руки, и толпа расступается, словно Красное море перед Моисеем.

— Ах, невинность и чистота юности. Вы пришли в правильное место. Мы всем рады в Сор-и-Минидд, и больше всех — новой хозяйке Финнон-Лас.

Он кладет руку мне на голову, словно благословляя меня. Если он ждет, что я упаду в обморок от оказанной чести, то сильно ошибается. За всю свою жизнь я не поддалась ни одному из церковников, желавших обратить меня в свою веру. Но преподобный Кадуаладр — другой. Есть в нем нечто странное. Что-то зловещее. Мне хочется вырваться из его рук и убежать, но я знаю: все на меня смотрят, и Кай рассчитывает на мою покорность. Я с трудом выдавливаю из себя что-то, что, я надеюсь, хотя бы отдаленно напоминает скромную и благодарную улыбку. И испытываю огромное облегчение, когда он отпускает меня.

— Превосходно! Превосходно! — восклицает преподобный Кадуаладр. На мгновение он замолкает, но даже его молчание кажется громогласным. Мне представляется, что преподобный даже *смотрит* на меня громко. Именно в эти несколько секунд, когда его взгляд проникает внутрь меня, я понимаю: мне неловко. Но я выбрасываю мысль об этом из головы. Подумаешь, всего лишь еще один воинственно настроенный христианин. Встречала я таких, и никому из них не понравилась. Что бы он там ни сказал и каким бы радушным ни был его прием, уверена, преподобный ничем не отличается от своей паствы.

Словно сквозь стадо овец, блеющих и расталкивающих друг друга, мы с мужем пробираемся в часовню. Кай ведет меня к своей скамье. Она в дальней части зала, но в первом ряду. Таково его положение в обществе. Внутри часовня выглядит не совсем привычно: ряды скамей расположены вдоль зала, а не поперек него, и между ними нет

никакого прохода. Между высокими окнами разместился клирос, а на нем — крепко сбитый аналой. Сзади, там, где будет стоять проповедник, находится широкая деревянная доска с надписью: «Господу нашему хвала!» и датой закладки часовни. Внутреннее убранство церкви поражает своей простотой и удобством. Единственное, что выдает в этом месте богатый приход, — высокий потолок, который, не будучи достаточно высоким для того, чтобы разместить здесь орган, сможет усилить и возвеличить голоса прихожан, когда они станут петь псалмы.

Заняв место, я неожиданно начинаю дрожать мелкой дрожью, словно вокруг меня вдруг пронесся ледяной вихрь. Мне непонятно, отчего так происходит, поэтому приходится списать это на нежелание находиться в одном помещении с таким огромным количеством людей. Или на мою нелюбовь к проповедникам.

Но тут я замечаю, как в часовню входит Изольда Боуэн. Паства приветствует ее с заискивающим наслаждением. Как легко положение в обществе, богатство и красота могут вскружить людям голову. На мгновение прихожане позволяют себе подумать о мирском. Кай, который уже снял шляпу, приветствует Изольду поклоном. Она отвечает ему улыбкой, а мне — взмахом своей белоснежной перчатки. На ней простое платье, но оно выглядит весьма изысканно, и даже я могу понять, что обошлось оно ей в целое состояние. Ясно, что Изольде не приходится просить экономку сшить для нее платье. Такие утонченные вещи можно раздобыть лишь в Лондоне.

Изольда садится на другой конец самой первой скамьи. Сам преподобный подходит к ней, чтобы поговорить, совершенно очевидно, он ею очарован столь же сильно, сколь и остальные. Действительно, после короткого обмена репликами Кадуаладр выглядит оживленным, он почти возбужден. Интересно, что же она такого ему сказала? Когда все рассаживаются, проповедник поднимается на клирос — теперь он может смотреть сверху вниз даже на самых высоких своих прихожан. Дверь остается открытой, так что те, кому места внутри не хватило, могут слушать проповедь с улицы.

— Братья и сестры! Братья и сестры! — начинает Кадуаладр, и его слова, отражаясь от белых каменных стен, проникают в головы паствы. Я слышала о таких людях, как этот преподобный. Их еще называют «увещеватели». Где бы такой человек ни оказался, он с пылом и восторгом будет прославлять Господа.

— Вы пришли сюда сегодня, чтобы хвалить нашего Господа, поклоняться Ему, показать себя верными христианами, достойными Его любви. Итак, я спрашиваю, кто из вас этим утром успел возблагодарить Господа?

Паства отвечает проповеднику нервным молчанием.

— Ответьте мне, мои благочестивые братья и сестры, кто из вас открыл свое сердце и поднял глаза к небу этим утром и возблагодарил Господа? — усердствует Кадуаладр.

Но никакого ответа не следует. Слышен лишь шорох хлопковой ткани на деревянных скамьях.

— Что? Не ослышался ли я? Вы говорите мне, что ни один из вас, благочестивые люди, *ни один*, не подумал поблагодарить Господа нашего в этот день за все блага Его? Вы хотите сказать, что вышли из теплого дома, оделись в чистую одежду и натянули сухие сапоги, проделали весь этот путь сюда под безоблачным небом, через цветущие поля и богатые пастбища, поздоровались с добрыми, столь же благочестивыми друзьями и соседями своими, но *ни один* из вас не подумал возблагодарить Господа за все эти дары? За все, что Он так щедро нам даровал?

На этом моменте преподобный так переигрывает, что близок к обмороку. Пошатнувшись, он хватается за аналой, не в силах стоять твердо перед лицом такой неблагодарности.

— Позор! Позор вам, я говорю! Вы так легко относитесь к благам, не произнеся ни единого словечка благодарности!

Глаза преподобного Кадуаладра угрожающе распахиваются.

— Присоединитесь ко мне, братья и сестры, присоединитесь ко мне, я умоляю вас, давайте возблагодарим нашего Господа. Нельзя терять ни минуты!

Он поднимает руки и вскидывает голову.

— Мы благодарим Тебя, Господи! Мы благодарим Тебя за все чудесные дары, коими Ты благословил нас в изобилии.

— Благодарю Тебя, Господи! — вторит ему паства. — Благодарю Тебя, Господи!

Моя голова начинает кружиться, а холод, кажется, уже пробрался до самых костей.

— Да, братья мои, скажем Ему спасибо. Ибо, как Он питает наши тела, так же Он будет питать наши души. Славьте!

— Благодарю Тебя, Господи! — произносят прихожане с завидным энтузиазмом.

В этот момент я начинаю чувствовать сильнейшее недомогание. Даже хватаюсь за скамью, чтобы не упасть в обморок. Преподобный Кадуаладр продолжает свои причитания, и паства им охотно вторит, но ни шум, ни всеобщий экстаз меня не отвлекают. Я смотрю на Изольду Боуэн, которая спокойно сидит на своем месте, с совершенно прямой спиной, пристально наблюдая за проповедником. Затем, внезапно, я ощущаю ужасный запах, нет, *вонь*. Что может так жутко пахнуть? Хотя где-то в глубине души я помню, что это такое, но не могу сообразить. Откуда эта мерзость? Меня тошнит. Мой желудок сводит спазмом, и я ощущаю во рту вкус желчи. Голоса проповедника и верующих сливаются в одну сплошную абракадабру. Мой разум затуманивается. Я стараюсь закрыть глаза, чтобы перенестись в другое место, сбежать. Но у меня не выходит. Я перевожу взгляд на проповедника. Его красное лицо покрыто испариной, пухлые щеки выпирают вперед, он что-то бормочет. Мне должно быть смешно, а не страшно, и все же, кажется, именно от него все мои беды. Не могу понять почему, но источник моего недуга — преподобный Кадуаладр. И вдруг он смотрит на меня, поражая силой взгляда. Нет, больше чем просто силой взгляда, *ненавистью*.

Кай понимает, что мне нехорошо, и я слышу, как он с беспокойством произносит мое имя. Но я не могу на него смотреть. Мне все хуже и хуже, и я с трудом могу подавить рвотные позывы. В конце концов, когда паства умолкает, меня обильно рвет, и содержимое моего желудка выплескивается мне на колени, измазав несчастные незабудки.

Кай стоит у подножия лестницы, опершись на балясину, не зная, как быть. После утренних событий он совсем запутался, что делать с Морганой. Как лучше вести себя с ней. Девушка так потрясена случившимся. Однако прихожане были к ней добры. Многие предложили свою помощь. Но Морганна была безутешна. Она выбежала из часовни, бросилась на колени к ручью, пыталась отмыть платье с помощью мха. Платье Кэтрин. Нет, он не должен так об этом думать. В конце концов, платье так шло Моргане. Но теперь оно было безнадежно испорчено, а девушка — подавлена. Когда Изольда предложила отвезти ее домой в своей крытой коляске, Морганна отреагировала грубостью. Она сердито посмотрела на Изольду, повернулась к ней спиной, забралась в свою повозку, взяла вожжи и чуть было не уехала без Кая, который был вынужден прыгнуть в нее уже на ходу, когда Принц рванул с места.

С момента, как они приехали, Кай не видел Моргану — девушка заперлась у себя в комнате. Но нельзя же пробыть там вечно. Моргане нужен свежий воздух. Прогулка среди холмов. Кай уверен, это восстановит ее здоровье, вернет расположение духа. Полный решимости, он поднимается на второй этаж, откашливается и стучит в дверь.

— Морганна? С тобой все в порядке?

Ответа не следует.

Кай прикладывает ухо к двери, но не слышит ни звука. Может, она спит? Или дуется? Он пытается снова.

— Хочешь чаю? Я собирался поставить чайник...

Снова молчание. Еще одна попытка:

— Я собирался пойти проведать лошадей. Хочу отвести кобыл и жеребят на второй луг. Не составишь мне компанию?

Кай выжидает, зная, что израсходовал все козыри. Но ответа все нет. Вздохнув, он поворачивается и уходит. Но, не успев спуститься до середины лестницы, замечает, что дверь распахнулась, и на пороге появилась Морганна. На ней ее старое коричневое платье, волосы распущены. Она выглядит бледной и подавленной, но, по крайней мере, готова пойти с ним.

Кай кивает.

— Хорошо, — говорит он, и вместе они выходят на улицу.

Мужчина приводит из конюшни Принца, ведя его за скрипящую старую уздечку.

— Кобылы пойдут за ним, — объясняет он. Корги несутся вперед. Кай и Морганна взбираются по крутому склону к высокому лугу. День выдался жарким. Кая волнует, какой непредсказуемой стала погода. Остается всего три недели до следующей поездки, а у них тут такая долгая засуха. Если ближе к его отъезду пойдут дожди, дороги превратятся в месиво, и он застрянет здесь надолго. А Каю еще многое предстоит сделать. Он был слишком занят приездом Морганны в Финнон-Лас и на время позабыл о своих обязанностях погонщика. Так не пойдет. В следующий рыночный день он поедет в Трегарон и возобновит работу с фермерами, которые хотят отправить скот в Лондон. А еще собирались приехать кузнец Дай и Эдвин Нэйлз.

Когда они достигают вершины холма, Принц становится все более нетерпеливым, суевливым, он бежит трусцой, несмотря на крутой подъем. Кай смеется над ним:

— Спокойно, *юноша*. Скоро твои дамочки будут здесь.

Моргана поглаживает коня, но тот нетерпеливо машет хвостом. Кай качает головой: — У него нет времени на нас — он чувствует своих.

Как будто в подтверждение его слов, жеребец поднимает голову и отчаянно ржет, подзывая кобыл. Откуда-то издали раздаётся ответный зов. Принц фыркает и тянет за поводья. Кай ускоряется. Моргана прикрывает глаза от солнца, глядя в сторону горизонта в поисках кобыл. И вот они возникают вдаль и несутся к ним. Сначала виднеются лишь три серые кобылы с жеребятами. А потом появляются ещё несколько годовалых жеребят — они играют друг с другом и кусаются. И вот уже все стадо, более двадцати пяти особей, резвится на поле. Закинув голову, Принц издаёт мощное «И-го-го!», потянув за веревку, которую крепко держит Кай. Вскоре они с Морганой окружены пугливыми, фыркающими пони. Несколько серых, но большинство из них почти идеально белые. Кай замечает свою любимую гнедую кобылу — у неё белое пятнышко на лбу и розовые копыта.

— Это Венна, — говорит он Моргане, с гордостью показывая на лошадь. — Прекрасная кобылка. Не первой молодости, но у неё по-прежнему лучшие жеребята. Видишь? Тот, рядом с ней? Он от Принца. Посмотри на него. Прекрасные прямые ноги и большая мудрая голова: крупные глазки, вытянутая морда. Лучше и не найти.

Моргана явно в восторге от животных. Она легко перемещается между ними, и Кай замечает: им хорошо в её присутствии, они совсем не нервничают. Он наблюдает за ней с мгновение, когда она протягивает руку, чтобы коснуться носа одного из жеребят. Моргана проводит рукой по пышной гриве жеребенка и гладит шею старой кобылы с каштановой шерстью. Кай рад видеть, что Моргана может так просто вернуть хорошее расположение духа. Какое имеет значение, в конце концов, что его жена не умеет готовить, не любит сидеть дома и предпочитает одиночество компании соседей? Зато прекрасно, что она разделяет его любовь к этим местам и к животным. Может, только холмы и объединяют их. Кай замечает, что улыбается. Подняв голову, Моргана ловит его взгляд. Он ожидает, что сейчас она опустит глаза, отвернется, ей будет неловко. Но нет. Стоя там, рядом с маленькими лошадаками, Моргана дарит Каю красивую, сердечную улыбку. Он может чувствовать её радость, и это трогает его до глубины души. Кай смущён собственной реакцией и боится, что она поймет его настроение по выражению его лица. Чтобы скрыть свою застенчивость, он начинает рассказывать о стаде — как его дед купил первого жеребца на ярмарке в Ллэнибиддере и привез в Финнон-Лас, и теперь в этих пони течет кровь того, первого жеребца. Он рассказывает ей, как его отец приумножил стадо, продав каждое животное, которое в чем-то не соответствовало стандартам, оставив для разведения лишь лучшие экземпляры. Кай вспоминает зиму, когда они чуть было не лишились всего стада из-за эпидемии и как он сидел с больными жеребятами, ночь за ночью, видя, как они умирают от жестокой болезни, один за другим, а потом отец взял пятерых из них, которые были здоровы, и отвел их на пастбище в десяти милях от поместья. Остальные лошади умерли. Но отца Кая это не остановило, и он смог увеличить поголовье, купив нового жеребца, дедушку Принца.

Тем временем Принцу терпения дослушать рассказ Кая не хватает — он рычит на кобыл, почуяв, что у нескольких из них течка.

— Тихо! — прикрикивает Кай. — Всеми свое время, *юноша*.

Он подтягивает поводья Принца, и тот ходит кругами вокруг хозяина.

— Теперь лошади из Финнон-Лас известны во всем Уэльсе, — говорит Кай. — И даже за его пределами. В следующий перегон я отвезу трех жеребят в Лондон, для одного заводчика. Он бы выкупил все стадо, и старых кобыл, и годовалых жеребят, всех до

последней, если бы мог.

Кай улыбается.

— Но ведь не все же решают деньги?

Моргана решительно качает головой. А потом наклоняется, чтобы обнять одного из толстеньких жеребят. Кай помнит: нужно попытаться намекнуть ей о предстоящем перегоне.

— Во вторник я поеду на рынок в Трегарон, — говорит он. — Нужно встретиться с парой фермеров. Они собираются доверить мне часть своего стада. Но нужно уговориться о цене. Я мог бы быстро отвести их скот, пристроить животных в Лондоне. И тогда можно было бы претендовать на процент от сделки. В таком случае я почти ничем не рискую: мне не нужно будет возмещать стоимость животных, которые не доедут до Лондона. Но я сделаю лучше и куплю их здесь. И вся прибыль от поездки достанется мне. Чем больше риска — тем больше прибыли. По крайней мере, так я планирую. Эх, большое будет стадо в этом году. Первый мой заказ в качестве главного погонщика, так что нужно хорошо поработать, понимаешь? Считай, двести собственных лошадок, плюс, может быть, пятьдесят Эванса Блэнмелина, и, возможно, восемьдесят Дая Кунтиду. Уотсон со своими овцами собирается мыкаться сам. Они того стоят, как по мне, но это его решение.

Кай замолкает, наблюдая, как один из жеребят грызет рукав Морганы. Он пытается снова собраться с мыслями.

— В общем, придется тебе какое-то время побыть без меня. Миссис Джонс все объяснит и покажет. Но если хочешь поехать, только скажи.

Моргана с мгновение смотрит на него, впитывая информацию, но, кажется, вообще не понимает, что за рынок и в каком Трегароне он находится... Кая немного удивляет произошедшее: Моргана никак не восприняла шанс развлечься, провести денек вне дома, посмотреть товар. Но потом он вспоминает события утра прошлого дня и понимает: мысль появиться после всего этого на людях вряд ли может показаться ей привлекательной.

— Ты выглядишь... гораздо лучше, Моргана, — говорит Кай. — Мне жаль, что все это произошло в часовне. Может, тому виной пирог с кроликом?

Моргана краснеет, отвернувшись.

У Кая опускаются руки от того, насколько трудно с Морганой разговаривать. Только он было усыпил ее бдительность, как она тут же оказывается такой же замкнутой, как в первый день, когда он только привез ее в Финнон-Лас. Неужели она не может постараться, хотя бы самую малость?

— Ты должна дать людям возможность тебе помочь. Никто не желает тебе зла, понимаешь? Не стоило так себя вести с Изольдой...

Моргана бросает на Кая взгляд, полный такой ярости, что тот мгновенно замолкает. К его удивлению, жена плюет, плевков врезается в землю рядом с сапогом Кая. Даже пони в страхе отшатывается. Кай понимает, что поводья куда крепче, чем его самообладание.

— Хорошо, допустим, она тебе не нравится. И ты это продемонстрировала довольно наглядно. Хотя я и не понимаю, что она такого сделала, но пусть. Мне кажется, любой из нас должен иметь возможность выбирать, с кем дружить, — признает он.

— Что ж. Давай разберемся с табуном. Мы должны взять с собой кобылиц и их жеребят, чтобы здесь остались только годовички и кобылы без потомства. Отправим всех к верхним воротам, а там разделим, — продолжает Кай.

Он ведет Принца впереди табуна, посвистывая собакам, которые покорно плетутся сзади, время от времени подгоняя отстающих кобыл. Моргана идет рядом, и жеребята рысью

вышагивают за ней. Вскоре они спускаются к границе верхнего пастбища. И Кай начинает сортировать лошадей. Задача это непростая. Корги становятся удивительно послушными и делают то, что он им велит, но пони двигаются быстро и не любят, когда на них рычат. Принц все сильнее беспокоится, пытается вырвать поводья из рук Кая.

— Прекрати хулиганить, Принц! Брэйкен! Мэг! Мэг, ну же! Ох, какие ж тупые! — негодует Кай, указывая в сторону двух кобыл, рванувших в сторону от ворот вместе с жеребятами. — Брэйкен, где тебя носит!

В отчаянии он срывает с головы шляпу и бросает ее на землю. Напуганные кобылы убегают прочь и уже почти скрываются вдаль. Остальная часть стада, почуяв неладное, идет за ними. Теперь Кай понимает, что серьезно рискует разом лишиться всего стада. Он громко и яростно свистит — собачки отчаянно пытаются не упустить ни одну из кобыл. Но битва проиграна. Кай уже собирается сдать, когда Моргана вырывает у него из рук поводья.

— Что ты делаешь? — удивленный, спрашивает он, но, прежде чем он успевает ее остановить, Моргана уже несется рядом с Принцем. Одним легким движением она запрыгивает на жеребца, перекинув через него ногу и легко приземлившись ему на спину. Не выпуская поводьев, она хватается за гриву Принца и пришпоривает его. Кай с открытым от удивления ртом смотрит, как Моргана и Принц устремляются вслед за сбежавшими кобылами. У нее нет ни седла, ни уздечки, и все же они с жеребцом словно единое целое — Принц не сопротивляется, а бежит туда, куда она ведет его. И вот уже весь табун собран. Моргане даже удается успокоить разволнованных животных, так что к тому времени, когда она возвращается к воротам, все они идут тихой рысью. Принц весь в поту, а Морган, кажется, в порядке, но настолько растрепанной Кай не видел ее еще ни разу. Она совершенно расслаблена, будто вернуть стадо полудиких пони, будучи верхом на строптивом жеребце, для нее проще простого. Кай вспоминает слова ее матери о том, что Моргана уверенно держится в седле. Похоже, старушка ее недооценила. Однако времени делать комплименты у него нет — Моргана просит открыть ворота. Ворота распахиваются, и кобылы с жеребятами безропотно следуют за Принцем на поле. Кай запирает ворота прямо перед носом годовичков, которые некоторое время нервно подпрыгивают, жалобно ворча, переминаются с ноги на ногу. Но вскоре, утомленные жарким солнцем, стремятся на выпас.

Принц послушно останавливается, и Моргана возвращает Каю поводья.

— Что ж, моя дикарка, — говорит он, ухмыляясь, — кажется, ты только что оставила бедных собачек без работы.

Моргана понимающе пожимает плечами и отправляется вниз вдоль склона. Он наблюдает за ней, думая про себя: наверняка жена обладает еще какими-нибудь скрытыми талантами.

Следующий день тоже теплый и без дождя. Кай с Морганой проводят его, занимаясь жеребятами. При хорошем уходе из них выйдут прекрасные лошади, которых можно будет выгодно продать или оставить для дальнейшего разведения. Моргана так легко находит с животными общий язык, она так нежна с ними. Кай поражен, как быстро она завоевывает доверие даже самых пугливых из них. Они так сильно увлечены своим занятием, что к тому моменту, как миссис Джонс зовет их в дом, ругая за то, что ни разу не перекусили, на долину уже опускаются сумерки.

Кай с Морганой идут по полю в вечерней тишине, а корги мчатся вперед, вдруг вспомнив, что страшно проголодались. Дом встречает их аппетитными ароматами — миссис Джонс разливает по тарелкам суп. В качестве добавки — пряный хлеб, а из напитков —

имбирный ликер. Кай наблюдает, как Моргана с аппетитом ест, вытирая тарелку куском хлеба и оставляя бедным корги лишь корочки. Поужинав, троица устраивается в креслах перед камином. Миссис Джонс пристраивает свои пухлые ноги на табуреточку.

— Сегодня я заметила в пруду еще одну лягушку, — говорит она Каю, но тот не видит в этом ничего необычного.

— Что вас так удивляет? Я вижу их почти каждый день в это время года.

— *Жаб*, мистер Дженкинс. Вы видите жаб, а не лягушек.

— О, — притворно-елейным голосом произносит Кай, — простите мне мое невежество!

Миссис Джонс поджимает губы:

— Смейтесь, сколько вам захочется, *молодой человек*, но в таких глубоких прудах без песчаных отмелей лягушки не водятся. Они предпочитают мелкие водоемы.

Кай тихо смеется.

— Так что, поприветствуем почетного гостя?

Он поворачивается к Моргане и объясняет:

— Миссис Джонс хочет заставить нас поверить, будто местный источник волшебный. Понимаешь? Лягушка же не могла просто так запрыгнуть в пруд, в этом обязательно должно быть какое-то предзнаменование.

Миссис Джонс хмурится.

— Слишком быстро некоторые из нас отметают то, чего боятся. И, возможно, боятся не зря.

Моргана понимает, что она говорит, и устраивается у ног домоправительницы, как бы прося, чтобы та рассказала подробнее.

— Это, *милая моя*, не просто источник.

— Ну же, миссис Джонс, не стоит забивать голову Морганы старыми сплетнями.

— Старые сплетницы кое в чем понимают, и хорошо бы вам это помнить.

Миссис Джонс смотрит на Моргану, говоря заговорщицким шепотом.

— Ты догадалась, что этот дом был назван в честь источника, но, держу пари, не знаешь всех подробностей.

Кай вставляет:

— Вода здесь особого цвета, оттого и сплетни. Голубой источник — Финнон-Лас. Все вполне понятно.

— Да, цвет красивый, необычный. А луга зеленые, и зимой пруд белый, но никто почему-то не подумал назвать поместье в честь них, так ведь? — поддела его миссис Джонс.

— Ну так расскажите всё, — просит Кай, качая головой. — Я даже обещаю не прерывать вашу историю.

— О, эта история совсем не моя. Это очень старая легенда о голубом источнике. Старше, чем само поместье Финнон-Лас. Кто-то говорит, что он существует уже целую вечность.

Миссис Джонс пожимает плечами.

— По крайней мере, ему уж точно побольше лет, чем мне.

— В самом деле! — восклицает Кай.

Моргана взглядом кричит ему: *замолчи*. Она берет руку миссис Джонс и крепко сжимает ее, призывая продолжать. И та рассказывает дальше.

— Говорят, некоторые источники обладают особыми свойствами. *Особыми*. Тот, кто пьет из них воду, чувствует себя гораздо лучше. Если правильно распорядиться их водой,

можно вылечить от разных болезней.

— Ха! — выдает Кай. — Конечно, волшебная вода.

— А я что, сказала слово «волшебный»? — хмурится миссис Джонс.

— Ну, у вас это на лице было написано.

— Можете издеваться сколько угодно, мистер Дженкинс. О целебном источнике в нашем поместье молва идет и в далеких краях, и это факт!

— О, *факт*, неужели?

— Не обращайтесь на него внимания, — говорит Моргане миссис Джонс. — Всегда будут те, кто не хочет слушать. Но правда есть правда, *дорогая*, даже если знать о ней кому-то не нравится.

Кай открывает рот, чтобы что-то возразить, но передумывает.

Миссис Джонс, довольная, что ее перестали перебивать, продолжает.

— Так вот, много лет, а может, и столетий назад, один паломник проходил в здешних местах. Мужчина уже не молодой, и образ жизни, который он вел, был не то чтобы праведным, так что здоровье его пошатнулось. И путь ему выдался не из легких. Когда он дошел сюда, на долину опустилась ночь, и он решил разбить лагерь. Он вместе со слугой отправился за водой и нашел источник, рядом с которым пристроилась странная старушка.

— Ведьма, — говорит Кай. — Я слышал, что это была ведьма, а не просто старушка.

Миссис Джонс хмурится.

— Я думала, вы не будете перебивать, мистер Дженкинс.

— Раз уж мы имеем дело с фактами, просто решил уточнить.

[Купить полную версию книги](#)